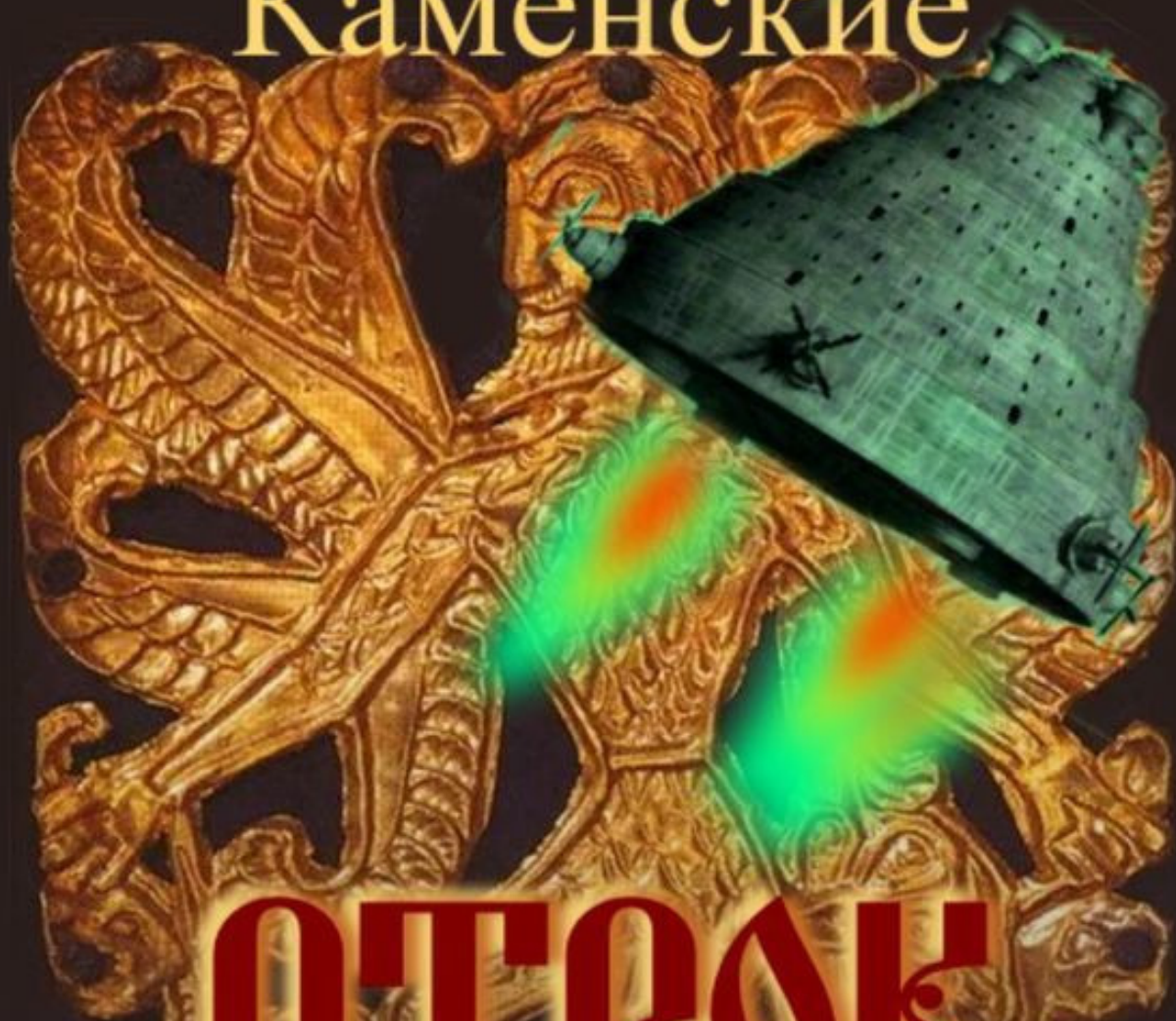

18+

Юрий и Вера

Каменские

ОТРОК
С КОСМОПИЕТА
"АСТИД"

Юрий и Вера Каменские
Отрок с космолёта «Аспид»

«Издательские решения»

Юрий и Вера Каменские

Отрок с космолёта «Аспид» / Юрий и Вера Каменские —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981566-8

Захватывающая история в жанре космической фантастики, в которой сюжеты привычного нам мира неожиданно пересекаются с древними легендами о гибели Атлантиды и с историей наших далёких предков. А началось всё банальнее некуда: два специальных агента ООН получают задание внедриться в подразделение «S7» корпуса, который ведёт боевые действия с Международной Коалицией. И в ходе этого задания им придётся покинуть Землю и вступить в борьбу с захватчиками и чудовищными инсектоидами.

ISBN 978-5-44-981566-8

© Юрий и Вера Каменские
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Господа офицеры сто лет спустя	6
Глава 2. Как «захомутать» лоцмана в XXII веке?	15
Глава 3. Бегство в никуда	23
Глава 4. Отрок и аспид	29
Глава 5. Зелёный ад	35
Глава 6. Дива с сюрпризами	42
Глава 7. Наперегонки со смертью	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Отрок с космолёта «Аспид»

Юрий и Вера Каменские

© Юрий и Вера Каменские, 2020

ISBN 978-5-4498-1566-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Господа офицеры сто лет спустя

– Ну, что, Макс, ещё по пивку и по пещерам?

– А, запросто! – слегка заплетающимся языком отозвался Макс, худощавый сутулый мужчина лет сорока.

Длинное унылое его лицо заметно оживляли голубые, чуть навывкате, глаза. Знающий человек, хорошо приглядевшись, мог бы сообразить, что простецкий вид обманчив. Вот его товарищ, сидевший напротив, не представлял собой ничего сложного – здоровяк с короткой стрижкой и круглым небритым лицом был настолько прост, что любой, поглядевший на него, без ошибки определил бы пьяницу и бабника. Собственно, на этом и строился расчёт.

Они, уютно расположились за угловым столиком бара, между кадкой с лопухастым цветком и дверью в подсобку, прикрытой складками штор. Оттуда лениво выглядывала официантка и курила сигарету в ожидании заказов. Стилизованные под старину подсвечники с горящими свечами, отбрасывали колеблющиеся тени на стойку, за который поблескивали ряды неисчислимых бутылок. Немногочисленные парочки цедили под лимончик коньяк, потягивали вино и не замечали никого вокруг. В мужских компаниях предпочитали свежее пиво, что здешний хозяин завозил прямо в бочках, а не в жестяных упаковках, портящих весь вкус пенного напитка. Макс с Лёхой как-то по нечаянности зашли сюда и, оценив сервис, нырнули сюда в редкие свои выходные. Хотелось иногда душевно расслабиться.

– За что я люблю нашу работу, – продолжал развивать мысль здоровяк Лёха. – Так это за выходные. Сидишь, тянешь пивко, и на хрен всё...

– Ага! – саркастически хмыкнул Макс. – А Антон Филиппович в это время набирает номер телефона и думает...

– Типун тебе на язык! – суеверно сплюнул через плечо Лёха. – Дурак, что ли?

– Сам ты дурак! – пьяно обиделся Макс. – Совсем мозги отоспал со своими тёлками!

И в это время в кармане Алексея телефон бодро исполнил «Канкан». Не шибко-то он любил эту бравурную мелодию, но установить на вызов своего любимого Грига – значило бы выйти из образа. Он глянул на дисплей, сморщился, словно хватил касторки, и, убивая напарника взглядом, приложил его к уху.

– Да, Антон Филиппович. У нас выходной, между прочим... понял, выезжаем. Накаркал, блин.

– Ага, накаркал, как же! Да он нам ещё ни одного выходного догулять не дал. Мог бы и сам сообразить, аналитик хренов!

...В приёмной, на месте референта сидел Павел Федосович, кадровик, штаб и информационный центр в одном стакане. Трудно было поверить, глядя на этот «божий одуванчик», что перед тобой живая легенда отдела. Молодость безжалостна, и за глаза Федосыча как только не называли – самое мягкое было «обломок империи» или «ветеран третьей мировой». Хитрый дед, конечно, знал всё это, но, как всякий матерый опер, любил притворяться слепоглухонемым.

– Явились, субчики? – встретил он Алексея с Максом, и подозрительно потянул носом. – Опять крёстный ход по кабакам?

– Не грехи, Федосыч, – огрызнулся Макс. – Законный выходной, имеем право.

– Право – возведённая в закон воля господствующего класса, – воздев к потолку сухой палец, провозгласил Павел Федосович. – А какой вы класс? Так, прости, Господи, прослойка.

– Спасибо, что не прокладка, – с чувством поклонился Макс. – Филиппыч у себя?

– Где ж ему быть? Он уже две телефонные трубки сгрыз, вас ожидаючи. А вы в приёмной лясы точите да глаза мне мозолите.

На два испепеляющим взгляда Федосыч лишь добро улыбнулся, спрятав глазки в пучок морщин.

– Разрешите, Антон Филиппович? – приоткрыв тяжёлую дверь, сунул голову в кабинет Лёха.

– Входите, входите.

Начальник отдела анализа и прогнозирования Антон Филиппович Корсаков, немолодой лысоватый мужчина, показал на кресла перед собой, давая понять, что доклады и стойки во фронт не ко времени. Господа офицеры, поняв, что крутить вола недосуг, осторожно присели и преданно уставились на начальство.

– Максим Владимирович, у тебя с английским как?

– Да нормально, сами знаете, – не задумываясь, ответил Макс. – «О-кей» и «вэри-вэлл» знаю, остальное на пальцах.

Филиппыч хмыкнул. Конечно, он знал. Он много чего знал. В том числе, и то, что с иностранными языками у Макса всё в порядке. Произношение, правда, рязанское, но это Бог с ним. И то, что майор Красников, буде на то необходимость, объясниться сможет даже с инопланетянином.

– А у тебя, Лёша, как?

Капитан Титов пожал могучими плечами.

– В институте английский учил. Но не помню ни фиги, если честно. Давно это было.

Давно, конечно, в позапрошлом веке. Всего-то семь лет Алексей в отделе. Правда, башка у него золотая, несмотря на то, что раздолбай. И не только с виду.

– В общем, так, господа офицеры. Про то, что нашего потенциального противника коренное население под зад мешалкой попросило, вы, надеюсь, в курсе? За новостями-то следите или как?

– Правильно попросили, – отозвался Макс.

– Ага, значит в курсе. Теперь слушай боевое задание: выехать на место, завербоваться в их экспедиционный корпус, – он насыпал в широкогорлую стеклянную колбу кофе и, налив из графина воды, поставил на спиртовку.

Щёлкнув зажигалкой, Корсаков полюбовался на вспыхнувшее синеватое пламя и снова повернулся к операм.

– Ну, и адаптироваться потихоньку. Основная задача: эти уроды готовят Коалиции сюрприз – биологическое оружие. Что-то связанное с инсектоидами.

– Я таких умных слов не знаю, – буркнул Макс. – По-человечески нельзя объяснить?

– Они работают с насекомыми, – на полном серьёзе пояснил генерал-майор Корсаков. – Ваша задача: всё это поломать, трагедии не допустить, ну, и далее по тексту, сами знаете. Материалы у Павла Федосовича, неделя на подготовку и – вперёд, за орденами.

... Вот почему восемь дней спустя они сидели в таком же баре, потягивая пиво. Разница была лишь в том, что происходило это на другом конце земного шара, а бочковым пивом здесь и не пахло. Территория, на которой они находились, войсками Коалиции не контролировалась. Это был своего рода Дикий Запад. Новые законы сюда ещё не дошли, а старые уже не действовали.

– Сплошной антиквариат вокруг — буркнул Макс, иронически оглядывая окружающую их действительность.

– Ага, блин, и откуда только столько старья всякого набралось..., — расставил точки Лёха и, плюхнувшись в кресло, переключил внимание с антуража бара на его посетителей.

Жизнь в городе, как было сказано в каком-то древнем фильме, начинается тогда, когда в город входят военные. В этом городке такая жизнь не просто была. Нет, она кипела и была ключом.

Доказательством тому служили пятеро здоровых мужиков в пятнистых камуфляжных костюмах, которые уже часа полтора предавались греху пьянства. На рукаве был знакомый до боли красно-синий шеврон морской пехоты, а на груди красовалась незнакомая доселе нашивка «S7». В качестве пособия для греха служили разнообразные напитки. Пиво, виски, джин – в ход шло всё. Двое вот уже полчаса пытались спеть про какое-то «Курземе». Черно-волосый рослый парень, взяв поднос, пальцами выбивал на нём рассыпчатую дробь. Ещё двое, ругаясь на каком-то непонятном языке, боролись на руках, то и дело сшибая локтями на пол пивные банки и стаканы.

– Вот уроды, – вполголоса заметил Макс, наблюдая за шумной компанией поверх стакана. – И долго мы так сидеть будем? Ещё немножко, и с ними уже не то, что познакомиться будет нельзя, их разбудить будет невозможно.

– Не переживай, – буркнул Лёха. – Есть один старинный казачий способ.

Он взял со стола пульт, на котором, как раз, загорелся зелёный индикатор, извещающий, что до их столика дошла очередь заказа мелодии.

– О! – удовлетворённо сказал Алексей, включая «выбор».

Нажав несколько раз сенсор, он навёл пульт на музыкальную установку, и в зале зазвучала песня на русском языке. В словах песни ничего крамольного не содержалось. самого факта того, что песня была русская, с лихвой хватило, чтобы пьяная компания повела себя именно так, как запланировал хитромудрый Лёха. И парни в камуфляже не обманули его ожиданий.

Один из поющих, сцапав со стола пивную бутылку, вскочил на ноги с проворностью, которую трудно было ожидать от пьяного.

– Кто?! – гневно заорал он и, оглядевшись налитыми кровью глазами, наткнулся на два ленивых взгляда за соседним столиком.

Один из них, в довершение ко всему, приветственно приподнял бокал с пивом. Белобрысый взревел и, не задумываясь, швырнул пивной сосуд в лениво ухмыляющуюся физиономию Макса. Тот, вскочив, протянул руку, поймал летящую в лицо бутылку и замахнулся. Махнув уже пустой рукой, он заставил агрессора согнуться, чтобы уклониться от снаряда. Другой рукой он поймал за спиной выпущенную из руки бутылку и с силой послал её снизу вверх, угодив ею прямо в лоб белобрысого. Глухой удар и тот, с грохотом опрокидывая стул, растянулся на полу.

Остальные четверо, не сговариваясь, кинулись в атаку. Лёха, проворно выскочив из-за стола, прыгнул навстречу и классическим хуком отправил чернявого в нокдаун. Второй, однако, оказался проворнее. Увернувшись от прямого в голову, он пнул опера ногой в колено. Макс, поймав первого за запястье, крутанул «узел наружу» и с силой поддел его челюсть основанием ладони, приведя в состояние стойкого изумления. Обмякшее тело толчком было отправлено навстречу второму нападавшему, сбив его с шага. Тот, пытаясь удержаться, взмахнул руками. Сцапав за запястье вооружённую ножом руку, Макс безжалостно заломил её к плечу нападавшего. Тот взвыл от боли и клинок «спринг-найфа» зазвенел на паркетных плитках. Локоть оперативника с хрустом врезался в переносицу солдата. Оттолкнув от себя падающее тело, Макс прыгнул к здоровяку, который обменивался ударами с его напарником. Пинок под колено и сильный удар кулаком за ухо. В ту же секунду Лёха, не успев понять, что противник уже обесточен, нанёс ему сокрушительный удар в челюсть.

– Не убили никого? – тяжело дыша, Лёха оглядел поле боя.

– вроде, нет, – пожал плечами Макс. – Ну, что, смываемся?

– Ага, – кивнул Лёха. – Только не слишком быстро.

Хозяин заведения, с христианским смирением поглядывая через стойку на клиентов, которые пока не подавали активных признаков жизни, привычно шлифовал салфеткой бокал. Потратившись однажды на лечение сломанной челюсти, он давно уже не совался в разборки. Просто нажимал неприметную кнопку под стойкой, а потом ждал прибытия официальных лиц,

более компетентных по части мордобоя. С их же помощью, не без пользы для себя, он потом вытряхивал из задержанных возмещение понесённых убытков.

Оперативники, ещё раз окинув взглядом побоище, вразвалку направились к дверям. Лёха уже взялся за ручку двери, когда та резко распахнулась, едва не засветив ему по лбу.

– Всем оставаться на местах! – провозгласил сухощавый офицер с нашивкой «МР» на рукаве.

Два здоровых сержанта остановились в дверях, словно олицетворение отданной команды. Конечно, и эту троицу «обесточить» труда не составляло, но как раз этого-то и не требовалось. Темны и запутанны пути в политике и разведке.

...Макс, сидя на железных нарах, задумчиво выпускал изо рта колечки сигаретного дыма.

– Дожился, блин, – изрёк он, наконец. – Небо в клеточку и друзья в полосочку. Ведь говорила мне мама – не езд, сынок, за океан, ни хрена там хорошего нету.

– Ага, а ты думал, тут мёдом намазано, – саркастически хмыкнул Лёха. – Вот сейчас узнаешь, что такое истинная демократия.

Они оба захохотали, словно ничего смешнее в своей жизни не слышали. К решётке подошёл местный вертухай.

– Кто-нибудь из вас говорит по-английски?

– Ну, я говорю, – лениво откликнулся Макс. – А чего надо?

– Сейчас узнаешь, — ухмыльнулся страж, отмыкая решётку и предусмотрительно отступая в сторону. — Выходите.

В сопровождении охранника они прошли по длинному, плохо освещённому коридору. Всё, что говорилось с высоких трибун о прекрасных условиях в забугорных застенках, оказалось бредом собачьим. Пятна плесени, обшарпанная краска и заплёванные жвачкой полы развеяли в пух и прах всю рекламу об импортных демократических прелестях. Им даже по кружке чая с куском хлеба эти жлобы не дали. Сервис, называется!

– Стой! Лицом к стене! – скомандовал он и распахнул одну из дверей, – Заходи!

– Садитесь! – приветствовал тот самый офицер, что задержал их в баре. – Идите, Дженкинс.

Вертухай, козырнув, вышел.

– Я офицер военной полиции Дональд Рассел. Кто из вас говорит по-английски?

– Я, – отозвался Макс.

– Тогда будешь переводить ему.

– Чего тут непонятного? – пожал плечами Лёха. – Военная полиция. Чего он хочет?

– Скажет, наверное, – безразлично отозвался Макс, кивая «эм-пишнику».

– За нападение на этих морпехов в мирное время вам бы светило пять лет тюрьмы. А сейчас вас проще расстрелять. Переведи.

– Ни хрена себе! А мне в морду бутылку кидать можно? Вот так, за здорово живёшь? Слышь, Лёха, – продолжил он уже по-русски. – Этот вертухай говорит, что мы себе на расстрел накрутили за тех бакланов.

– А как насчёт прав человека и демократии? – поинтересовался Алексей.

– Да хрен они забили на твою демократию. А второй – на права человека.

– Ну, понял. Расстрел. От нас-то ему что нужно? Может, ему денег отстегнуть?

– Он понял, – обратился к офицеру Макс. – А чего надо? Может, как-нибудь можно договориться?

В глазах дознавателя, можно поклясться, мелькнула смешинка. Ох, сдаётся, что перевод – так, для отвода глаз. Такое впечатление, что всё он понимает. Да, ладно, мы-то простые, как три копейки, пусть себе мудрует. Посмотрим, куда разговор выведет.

– Надо подумать, – прищурил глаз офицер.

– Ну, думай, – согласился Макс и, повернувшись к Лёхе, прокомментировал: – Чапай думать будет.

В это время дверь распахнулась и в неё вошёл... нет, буквально влетел дородный мужик в форме. Судя по тому, как резво вскочил дознаватель, толстый дядька был немалым чином. Пока он задавал вопросы, а подчинённый отвечал, Макс по-тихому комментировал напарнику ход разговора.

– Толстяк спрашивает: какого хрена мы тут сидим? А вертухай про наши подвиги рассказывает.

В это время начальник громко расхохотался. Он бил себя по коленям, стучал кулаком по столу, в общем, веселился от всей души. В промежутках между приступами веселья большой чин что-то спрашивал у Рассела.

– Чего это он? – тихо спросил Лёха.

– Ему забавно, – скучным голосом перевёл Макс. – Что два гражданских отмудохали пятерых морпехов. О, а «эм-пишник» отвечает, что нас расстрелять за это надо. А толстяк говорит, что у него вместо головы задница. Тут я согласен, – хмыкнул он.

– Он ему втолковывает... блин, сплошные маты... что двух таких здоровых лбов... это он про нас... нужно в этот долбанный экспедиционный корпус запихать. Та шушера, которую в этот корпус собрали, ничем не лучше. О, даже ещё хуже, говорит, если эти двое русских пятерых сумели отметелить.

Начальство встало из-за стола и, продолжая похохатывать, вышло. Офицер белоснежным платком отёр лоб.

– Если подпишете контракт на службу в корпус морской пехоты, в подразделение «S7», мы забудем про ваши художества.

Выслушав перевод, Лёха кивнул головой.

– Подпишем, – подтвердил Макс. – А что это за «эс-семь»?

– Спецподразделение из иностранных граждан. Входит в экспедиционный корпус.

– Ясно, – кивнул майор Красников. – А куды бечь-то? С подводной лодки да в такой шторм?

... – Эй, русские, на выход, покупатель пришёл!

Опять этот вертухай... Макс протёр глаза и толкнул товарища в бочину.

– Вставай, шланг! Начальство пожаловало.

– Опять?! – не открывая глаз, возмутился Лёха. – Да сколько можно?

Макс нацелился всадить пальцы напарнику под рёбра, но тот вдруг ловко заблокировал его руку и, одним прыжком оказавшись на ногах, с любопытством уставился на пришедшего по их души. По ту сторону решётки стоял и равнодушно смотрел на них здоровый мужик лет тридцати в форме сержанта морской пехоты.

– Принимай крутых парней, – ослабил охранник.

– У меня таких крутых больше, чем засранных очков в туалете, – едва удостоил его взглядом морпех. – Надуют мышцы в спортзалах, а получают пинка в задницу и плачут, как девочки.

Макс хмыкнул, но промолчал. Охранник покачал головой.

– Вот тут ты промахнулся, старина. Это те самые, которые в баре пятерых из «семёрки» отутюжили.

– Да? – мельком глянул на новобранцев сержант. – Ну, тем лучше. Не сегодня-завтра Коалиция нападёт на нас. Будет спрос на свежее мясо. Пошли, помидорчики, поменяем штанишки и получим рогатки – пулять по птичкам.

На улице их ждал вездеход с той же красно-синей эмблемой и чёрными буквами «MEU». Повинуясь жесту морпеха, Лёха с Максом уселись на заднее сиденье, и джип рванул с места, как пришпоренная лошадь.

– Запомните, девочки, – повернулся к ним сержант. – Меня зовут сержант Камински. Обращаться ко мне нужно «господин сержант». Понятно?

– Да, господин сержант, – хором ответили новобранцы.

Макс откинулся назад и задремал, а Лёха, разглядывая толстую шею морпеха, прикидывал – сколько времени потребуется, чтобы одолеть этого кабана? Решив про себя, что двадцати-тридцати секунд ему бы хватило, он стал смотреть в окно. Выскочив из города, они помчались по прямой, как стрела, узкой асфальтированной дороге. Километров через двадцать джип затормозил – дорогу перегородил шлагбаум, на котором была укрепена та же эмблема. Проверка документов, и шлагбаум, поднявшись вверх, пропустил их, и вездеход помчался дальше. Километров через пять они остановились перед КПП. На воротах красовалась та же, уже набившая оскомину, эмблема, на которой ясно выделялись знакомые символы «S7».

Дежурный, открывая ворота, уставился на Макса с Лёхой глазами, оправленными в роскошный «бланш»^[1]. Злорадный оскал явственно говорил о том, что новобранцев ждёт впереди много интересного и познавательного. Впрочем, такой вариант событий ими предусматривался. Алексей широко улыбнулся «очкарику» и приветливо помахал ему рукой. Оскалившись в ответ, дежурный только исподтишка показал им «фак».

– Я вижу, вы уже завели себе друзей, ребята, – широко улыбнулся Камински. – Это очень полезно. Особенно на занятиях по рукопашному бою.

– Так точно, господин сержант, – дружно отозвались опера.

...Казарма с рядом застеленных серыми одеялами коек встретила тишиной, и только вскочивший дневальный на миг умилился «новеньких», напомнив собственную армейскую юность.

– Ну, точно, как у нас в Кантемировке, – заржал Лёха. – Только коечек поменьше было напихано и замков на тумбочках не было.

Макс с интересом разглядывал увесистого «сторожа» на хлипкой дверце.

– Видать, мальчишки здесь ушлые, если такого барбоса навесили. Того и гляди, подштанники на ходу сопрут, – с ухмылкой констатировал Макс.

– Так, у них, видать, морду бить за это не принято, вот и прут отовсюду, куда только нос засунут, – Лёха словно не замечал испуганного взгляда дневального и наливавшегося краской от их беспардонной наглости сержанта.

– Эй, служивый, где тут наши коечки будут? – с нарочитой неловкостью повернулся Макс, и кулак сержанта, просвистев мимо его уха, впечатался в хлипкую перегородку, отчего та заходила ходуном.

Макс, сделав испуганные глаза, вытянулся по стойке «смирно». Рядом, подобрав живот, преданно пялился на сержанта Лёха. Второй удар под дых Макс умело пригасил мышцами, но, скорчив страдальчески рожу, согнулся в три погибели для морального удовлетворения начальства. Сработало. Сопя, тот поднёс кулак ему под нос.

– Ещё раз вякнешь, ублюдок, будешь мать проклинять, что на свет родила!

– Так точно, господин сержант!

Побледневший дневальный сопровождал Камински до двери, вернулся и показал им свободные койки. Макс, раскладывая вещи, ненавязчиво «потрошил» служивого на интересующие его темы. Когда парень вышкль, он повернулся к развалившемуся на своей койке Лёхе.

– Дневальный говорит, что здесь Эдгар верх держит, которому мы в баре по чавке наступали. Злопамятный, говорит. И сержанту на остальных дятлом весенним стучит.

– Нашёл проблему, – зевнул напарник. – Не таких видали. Рупь за сто, что он нам сегодня «тёмную» попытается устроить.

– А чего спорить, это и ёжику понятно. Давай придавим немного, а то, чую, поспать нам сегодня не дадут.

...И не дали. Они и проспали-то всего ничего, минут пятнадцать от силы.

Макс, Лекс! – выкрикнул дневальный. – Сержант Камински приказал вам срочно прибыть на склад.

– Чего орёшь? – разлепив глаза, отозвался Макс. – На какой склад?

– Здание напротив. Получить обмундирование и оружие. Поторопитесь, парни, сержант ждать не любит.

Когда они вошли в полутёмное здание склада, их ждал Камински с ещё одним сержантом, таким же крепким мужиком со шрамом во всю щёку.

– Шевелитесь, ботинки[2], – похохатывая, прикрикнул на них второй сержант. – Снимайте свои тряпки! Быстрее! Не жмитесь, как целки, нас с Камински ваши задницы не интересуют.

Свёрнутые пятнистые «комки» и тяжёлые ботинки, брошенные сильной рукой, были ловко пойманы новобранцами. Через три минуты они уже были полностью обмундированы.

– Пошли, – махнул рукой Камински.

Пройдя в другой конец склада, он отомкнул большой железный шкаф и, достав излучатель, бросил его в руки Максусу.

– Ну-ка, сынок, объясни старому солдату, что это за хрень.

– Импульсный излучатель «Штерн-Лехельт», стоамперный, на двадцать пять герц, армейский вариант.

Отвернув ствол влево-вверх, Макс отщёлкнул щёчку слева и нажал незаметный сенсор.

– Зарядка восемьдесят процентов, «Штерн» готов к работе.

Камински, одобрительно хмыкнув, бросил такой же Лёхе. Убедившись, что второй новобранец тоже знает, за какой конец оружия нужно держаться, он замкнул шкаф.

– Пошли.

Они вернулись в казарму и, под чутким руководством сержанта, поставили излучатели в ружпарк. В это время с улицы стали заходить другие морпехи. Ставя оружие в «пирамиду», пришедшие с любопытством оглядывали стоящих возле Камински новичков. О, а вот и знакомые лица. Глазами зыркают, словно обиделись.

– Час на отдых и в спортзал, – скомандовал сержант и величественно удалился.

Бодрой трусцой они бежали вместе со всеми в спортзал, по ходу подмечая косые взгляды. Ну, да, вся тёплая компашка из бара в полном составе. А не хило они их расписали! Вот это, видимо, и есть пресловутый Эдгар. М-да, Макс, явно, был в ударе. Как оно ему ровненько на оба глаза-то легло. А на этом чернявом Лёха отметился. Нос на боку, ишь, как глаза с опухшей рожи злобно зыркают. Ведь не выдержат, ей-Богу! Непременно на рожон полезут. Ага, белобрысый «очкарик» подмигнул двум «качкам», кивком головы указав на Макса с Лёхой. Всё это он проделал, как ему показалось, незаметно.

– Смотри, Макс, твой «крестничек» тем боровкам подмигивает.

– Ага, нас сейчас бить будут, – хмыкнул тот. – О-о-ч-ч-е-нь бо-оль-н-н-о-о.

В небольшом тамбуре перед входом в зал качки притормозили и, словно по-нечаянности, загородили широкими спинами вход, пропуская остальных курсантов мимо. Опера тоже не торопилась, дожидаясь, пока закроется дверь спортзала.

– Не спеши, малыш, — один из «амбалов» шагнул навстречу и тяжело посмотрел на Лёху.

Тот, дурашливо улыбаясь, развёл в стороны открытые ладони. Качок только сжал кулак правой руки и стал поднимать его к плечу, намереваясь расплющить эту наглую улыбку. Лёха, резко нырнув вниз, с силой всадил кулак в правое подреберье. Тяжко охнув, верзила, стал сползать по стене. Второй бугай, опомнившись, бросился на Макса. Резко крутанувшись вокруг себя, тот пропустил «торпеду» мимо и с разворота рубанул его в основание черепа. Хрюкнув, верзила упал ничком. «Контрольный» удар ногой в бок окончательно отбил у здоровяка желание встать. Он согнулся и его вырвало желчью.

Напавший на Лёху лежал, равнодушно глядя в потолок. Опера вошли в спортзал, практически, вместе со всеми. А в тамбуре, перед захлопнувшейся дверью, «торпеды», тяжело ворочаясь, начинали приходить в себя. Пресловутый Эдгар со товарищи, стоя в строю, недоумённо главели на дверь. Сержант Камински, встав перед строем, начал переключку.

– Бойко! — выкрикнул он.

Никто не отозвался.

– Где этот увалень? И брата его я тоже не вижу. В чём дело?!

Звук, донёсшийся из тамбура, заставил его насторожиться. Он, подойдя к двери, резко распахнул створку. Минуту спустя он на пинках закинул пострадавших внутрь. В строю наступила напряжённая тишина. Бледнолицые братья в этот раз были особенно бледнолицыми. Просто до салатной зелени. Сцапав одного из близнецов, Камински придал ему сидячее положение.

– Кто из них? — рявкнул он.

Мутный взгляд пополз по строю. Наткнувшись на ухмылявшиеся лица русских, блондина явственно передёрнуло. Видимо, кое-что смекнув для себя, он сиплым голосом выдавил:

– Их здесь нет.

Камински обвёл строй тяжёлым взглядом, чуть придержав его на продувной Лёхиной роже.

– Узнаю, сральни чистить заставлю! Направо! Бегом марш!

Гонял он их душевно, со знанием дела. Силовая гимнастика, работа на тренажёрах.

– Неудивительно, что они тут такие надутые, — пропыхтел Макс. — Прямо, как ты.

– Глистов выведи, доходяга, — огрызнулся Лёха, отжимая штангу. — Такой же станешь.

– У меня глисты не выживают. Они водку не любят. В отличие от меня.

– Прекратить разговоры! — рявкнул Камински. — Работать, недоноски!

Последний час занятий они старательно бросали друг друга через бедро. Заметив, с какой скучной грацией исполняют приём новички, сержант громко хлопнул в ладоши.

– Встать в круг!

Когда все расселись поближе к стенам, он прошёлся по лицам внимательным взглядом.

– Ты! — он указал на белобрысого Эдгара.

– И ты! — палец ткнул в Лёху. — Поединок боевой, разрешены все приёмы.

Блондин, резко вскочив, пружинисто пошёл по кругу. Лёха, лениво поднявшись, стоял, чуть присев, и внимательно следил за передвижениями противника. Его отсутствующий взгляд нервировал Эдгара, провоцируя на непродуманные поступки.

– Что, русский, в штаны наложил? — оскалился он.

– А что, проголодался? — хмыкнул Лёха.

Эдгар прыгнул вперёд, и они закружились, нанося друг другу удары. Всерьёз никто не напрягся, шло интенсивное прощупывание друг друга. Камински, прищурясь, наблюдал за ходом поединка. Ему, опытному бойцу, было хорошо видно, что русский играет с блондином, как кошка с мышью. А тот, чувствуя, что все его удары либо не достигают цели, либо проходят по касательной, постепенно начинал звереть. Немало тому способствовала Лёхина презрительная ухмылка.

Наконец терпение Эдгара лопнуло. Сделав пару ложных финтов, он бросился вперёд, пытаясь «пробить» противника таранным ударом в грудь. Того, что произошло дальше, он не ожидал. Как и все прочие, находящиеся в зале. Алексей чуть отстранился, пропуская удар по касательной. Левая его рука, скользнув поверху, прижала руку Эдгара к своему боку. Он резко присел и правой рукой, намертво стиснув кисть, выкрутил её наружу. В следующую секунду белобрысый лежал на животе, а Лёха, стоя над ним, держал его руку в жёстком захвате.

– Добить? — занеся кулак над головой противника, взглядом поинтересовался Алексей у сержанта.

– Отставить! Брэк. Поединок окончен.

– Есть, господин сержант, — отпустив руку Эдгара, он шагнул назад и присел рядом с Максом.

...После отбоя, когда дневальный посапывал, уронив голову на столик, в проходе между коек возникло несколько теней. Неслышно продвигаясь под храп, бормотание и стоны умотанных людей, они направились в угол казармы, где сегодня обустроились новенькие. Чуть слышно звякнул висящий на тумбочке замок. В темноте едва различались две фигуры, лежавшие под одеялами.

– Смотри, Алёха, они нам «тёмную» решили устроить, — прозвучал в тишине голос Макса.

Ответом были осторожные удаляющиеся шаги. Последним тихо ушёл Эдгар, осознавший, что остался в одиночестве.

Глава 2. Как «захомутать» лоцмана в XXII веке?

– Расскажи, Нарад, о происхождении народа ариев, – Ведающий Историю Каждан, худой желчный старик, поднял голову и поглядел на экзаменуемого отрока.

– После победы Богов над Титанами они ушли в страну Арктиду, где основали свою цивилизацию. По роду арии произошли от браков Титанов с местными женщинами. Когда, в результате войны с атлантами, Арктида погибла, Титаны увели ариев и представителей других народов через Храм Странствий в наш мир.

– А что случилось дальше?

– Это знают только Мудрые, Ведающий.

Старик улыбнулся, гордый за своего ученика.

– Продолжай, Нарад.

– Основы «Правды Глубокого Космоса»...

...Если кто-то думает, что в первой половине двадцать второго века отроки меньше «мандражат» перед последним испытанием, значит, он мечтатель и неисправимый романтик. В широком коридоре Высшей Космической Даршаны[3] будущие космические волки изо всех сил пытались «надышаться перед смертью». Будущие лоцманы, стратеги и прочие узкие специалисты переживали каждый на свой лад. Кто-то пялился в «записушку». Иные, возведя очи горе, пытались вспомнить то, чего сроду и не знали. Несколько человек, стоя у высокого стрельчатого окна, волновались не менее других, хотя и были внешне невозмутимы, как Старейшины на Высшем Совете.

Дверь зала открылась, и в коридор, вытирая со лба испарину, быстро вышел рослый парень. Притворив за собой дверь, он оглянулся.

– Нарад! – окликнул его от дальнего окна крепкий юноша с лицом характерного восточного типа. – Иди сюда!

– Нарад, как? – схватил его за рукав Бореан, худощавый смуглый студент.

Неуспевающих в Даршане не могло быть по определению, но этот постоянно балансировал на грани отчисления. Талантлив был, собака, потому и прощалось ему многое. Но и ленив был – это что-то!

– Вроде, нормально, – пожал плечами Нарад и направился к тому, который его окликнул.

– Привет, Акара! – он пожал протянутую руку и устроился рядом, прислонившись к массивному подоконнику.

– Как? – задал дежурный вопрос его вечный друг и соперник.

– Да, нормально, – снова пожал плечами тот.

– Что попало?

– Основы «Правды Глубокого Космоса».

– И как?

– Да, нормально, – досадливо поморщился Нарад. – Зря, что ли, пять лет эти премудрости долбили?

– Тоже верно. К Последнему Испытанию готов? – как бы между прочим, поинтересовался Акара.

– Сам-то как думаешь?

Да, именно к Последнему и именно к Испытанию. Вот только так – с заглавной буквы. Смертность на этом испытании была установлена в три раза выше, чем на обычных тестах. Потому перед Последним Испытанием отроки подписывали отказ от каких бы то ни было претензий к родной Даршане.

Гибли, конечно, крайне редко. Последняя смерть случилась лет тридцать назад, не меньше. Ходили ещё слухи о некоторых особых способах проверки, таких, например, как

«Кот в мешке», но однозначно на этот вопрос никто из Ведающих не ответил. Не то, чтобы они это не подтверждали, но и не отрицали. Так что, каждому поколению выпускников было, над чем голову поломать.

– Ладно, я пошёл, – Акара, хлопнув по протянутой ладони, решительно направился к аудитории.

Едва за другом закрылась дверь, Нарад бросился к лестнице. Лаодика, помощник Главы Даршаны, была предметом воздыхания всей сильной половины заведения. И было отчего. Глаза-озёра прятались под пушистыми ресницами, соболиные брови вразлёт, словно крылья птицы, мягкий овал лица и точёная фигурка. Тонкие пальчики теребят кончик богатой косищи, да ещё и умом не обижена. Зрелые мужи при виде её молодцевато подтягивались, поглаживая усы и бороды. Каждому любо на такую красоту глянуть. Но вчера она однозначно дала понять, что намерена провести этот вечер именно с ним.

Слетев по лестнице, Нарад осторожно приоткрыл дверь гостевой и нос к носу столкнулся с предметом своего вожеления. Лаодика, ойкнув, отпрыгнула назад.

– Ой! Нарад, ты что, с ума сошёл? Напугал..., – она непроизвольно оглянулась на дверь Главы. – Он меня, как раз, за тобой послал.

– Зачем? – удивился влюблённый.

– Не знаю, – пожал плечиками Лаодика, – Но к нему, – она перешла на шёпот. – какой-то архистратиг из Службы Космического Порубежья приехал. Ты что, прошение к ним подавал?

– Солнышко, – ласково сказал Нарад. – Если бы я подавал какое-то прошение, ты бы об этом знала самая первая.

– Вообще-то, да. Все ваши грамотки через меня идут, – кивнула красавица.

– Лаодика, – ожил коммуникатор. – Отрок Нарад прибыл?

– Да, архистратиг, – подскочив к столу, отозвалась она.

– Пусть войдёт.

– Поняла. Давай, заходи!

– Вечером – как договорились? – обернулся у дверей Нарад.

– Ну, конечно, – округлила глаза Лаодика. – Да иди же!

Открыв тяжёлую резную дверь, он вошёл в кабинет. Свет солнца врывался в распахнутое окно и медовым цветом растекался от выласканных руками мастеров деревянных шкафов и полок. В тяжёлой резной раме — портрет отца-основателя Даршаны. За столом, рядом с Главой, сидел улыбочивый пожилой мужчина. Такие добрые лица бывают у зубных врачей, тайной стражи и податных служащих – словом, у всех тех, от кого добра не жди. Телом порубежник был крепок и, при кажущейся неспешности скупых движений, в нём чувствовалась грация и скрытая мощь хищного зверя. Цепкий взгляд не упускал никакой мелочи и к панибратству не располагал. Не дай Род встретиться с таким в поединке!

– Присаживайся, Нарад, — Глава Даршаны поднялся со своего места и, подойдя, дружески положил ему руку на плечо. — Это Один, архистратиг Особой Дружины из Космической Службы Порубежья. Побеседуйте, а я пока по делам отлучусь.

Когда за ним закрылась дверь, Нарад приземлился на ближайший стул, решив про себя, что порубежники на нём руки не погреют — будет «тупить» до последнего. Ничего у них не выйдет. Не для того он тут столько времени «гранит познания» грыз.

– Я полагаю, не стоит нам ходить вокруг да около, — улыбнулся порубежник. — Наша Служба отобрала несколько кандидатур. Как ты понимаешь, в том числе и тебя. Что скажешь?

– Уважаемый Один, это очень ответственное решение, – подумав, задумчиво проговорил Нарад. – И, главное, очень неожиданное. Я никогда не планировал служить в порубежье, как ты понимаешь. Это требует всестороннего обдумывания....

– Ну, конечно же, конечно, – расплылся в улыбке Один. – Это же очевидно. Пока по чашечке сбитня выпьем, ты и подумай.

Пока отрок приходил в себя, он наклонился к селектору.

– Лаодика, можно пару сбитня?

– Нет, уважаемый Один, ты меня неправильно понял. Это же очень важный шаг! Я не могу так быстро!

– Нашим порубежникам часто приходится принимать и более важные решения, – невозмутимо парировал тот. – И в гораздо более короткие сроки, кстати.

– Но я же ещё не порубежник, – запротестовал Нарад. – И неизвестно ещё, подойду ли я вам.

– Ну, это-то, как раз известно. По мнению наших аналитиков, уровень твоей пригодности выше среднестатистического.

– Да не гожусь я в порубежники! – в отчаянии вскричал он. – У меня приводы в Стражу были! Я сам правонарушитель. За кражу у соседа.

– Зелёных яблок? – усмехнулся собеседник. – Да не волнуйся ты так, право слово. Знаем мы про эти правонарушения! Как за те яблоки дед твой Велемудр тебя плетью сыромятной от души охаживал. И про драку с отроками из Военно-Космической Даршаны, где вы вдвоём пятерых супротивников отделали. И подделка электронной подписи на отпускных «пластиках» – это просто выше всяческих похвал, сам Ведающий засомневался, было, да вовремя напомнили, что он в отлучке тогда был. Ты, надо сказать, очень одарённая натура.

– Ну, и зачем Вам такое сокровище? – угрюмо поинтересовался Нарад.

– Да всё очень просто, – пожал плечами Один. – Ведь то, о чём мы сейчас говорили, это только набор качеств, не более того. Смелость, решительность, умение находить выход в трудных ситуациях. Ну, как меч – он бывает острым или тупым, ржавым или блестящим, из хорошей стали или из плохой... Понятно? Злым или добрым он быть не может по определению – всё зависит от того, чья рука его держит.

– То есть, – медленно произнёс испытуемый. – Ты хочешь сказать, что я в ваших руках. А если откажусь...

– Да ну, что ты, право слово, — разочарованно протянул архистратиг, отводя от него лукаво-задумчивый взгляд. — Прямо-таки монстров каких-то из нас делаешь. Да никто с твоей грамотки пыль сдувать не станет. Лежит себе на полочке, есть-пить не просит. Вот, и пускай себе дальше пылью зарастает. И пытки давно запрещены Основами Правды. Вас нынче даже розгами за нерадивость не пользуют, а просто отчисляют. А, было время, практиковалось такое массажирование седалищной части — для стимулирования мозговой деятельности. Не хочешь – не надо. Точно не хочешь?

– Точно, – буркнул Нарад.

– Ну и ладно, – пожал плечами Один. – На нет и суда нет.

– Суда?

– Шучу. Это шутка.

– А-а..., значит, я могу идти?

– Да, конечно. Всего доброго тебе. Желая успешно сдать Последнее Испытание.

Что-то такое послышалось Нараду в его последних словах... Но на его взгляд порубежник ответил ясным и безмятежным взором.

– Ну, что? – откинув за спину длинную косицу, подскочила к нему Лаодика.

– Предлагали стать порубежником, – хмуро отозвался Нарад.

– А ты?

– Ага. Делать мне больше нечего, – отмахнулся он. – Всю жизнь мечтал в грамотках копаться и в Ближнем Космосе болтаться. Да ну их. Ну, ты не передумала? Вечером идём в «Утайю»?

– А? Да, да, идём, конечно.

Дверь кабинета открылась и оттуда упругой походкой вышел архистратиг Один.

– До свидания, молодые люди.

Когда за ним закрылась дверь, Лаодика серьёзно поглядела на приятеля.

– А ты уверен, что правильно всё сделал?

– Я уверен только в том, что не хочу служить в порубежье, – упрямо набычился Нарад.

– Ну, не хочешь, так не хочешь, – она ласково потрепала его по коротко стриженной макушке. – Значит, в семь вечера в «Утайе».

Выйдя из здания Даршаны, Нарад, оседлав свою «стрелу», взвился в воздух. На Арктиде не строили домов выше второго-третьего этажа. Заложить привычный вираж пришлось только вокруг старинного храма Меру – ровесника их цивилизации. По преданию, их далёкие предки пришли в этот мир, ведомые Мудрыми, или, как их тогда называли, Титанами. Потом человечество чем-то огорчило Мудрых, и они покинули этот мир. Но сохранилось предсказание, что когда-нибудь они вернуться, и Храм Странствий по Мирам оживёт.

Перед Меру стояла древняя статуя, изображающая трёх слонов, держащих на спинах трёхступенчатую пирамиду. Статуя была возведена ещё при Мудрых. На каждой ступени снизу вверх были выбиты три Закона Пространства, которые знал каждый ребёнок:

«Множащиеся альтернативы создают пространство»

«Глубины соприкасаются»

«Глубину самого Соприкосновения диктует Мера Любви»

...– Мама! – крикнул Нарад и прислушался. – Ты дома?

– А на индикатор тебе глянуть было лень? А если бы я спала?– Мама, одетая в лёгкую душегрейку и просторную юбку, вышла из большой горницы ему навстречу.

– Да, я забываю про него, – честно признался сын, понурился «буйную головушку».

– Лоботряс, – она ласково ткнула его кулаком в лоб.

Индикаторы прижились в жилых помещениях уже давно. Собственно говоря, они были разработаны для руководителей крупных предприятий. Чтобы полностью контролировать свои владения. Со временем устройство стало настолько обыденным, что его начали ставить и в дома. Впрочем, систему «Разумный Дом» принимали далеко не все. Немало было приверженцев старинной теории, что «Терем мой яко же острог». Поговорка была древнейшей, едва ли не со времён Великого Исхода, но как-то слабо в это верилось. Слишком уж давно это было.

– Отец дома?

– Дома. Тоже недавно только появился. В столовой. Иди руки мой.

Когда Нарад, переодевшись и умывшись, вошёл в столовую, отец уже пил сбитень.

– Есть будешь? – мать коснулась сенсоров кухонного комбайна, и на панели высветилось меню. – Тебе обыденку или чего-нибудь вкусенькое?

– Без разницы, – мотнул он головой. – Привет, пап. Как дела?

– Дела, дела..., – задумчиво протянул отец. – Понимаете, ребята, ко мне сегодня парня доставили... очень странный, понимаете, случай.

– Да у тебя ведь все случаи странные, – резонно возразила мама.

Что правда, то правда. Экстра-лекарю Борею нормальных больных не доставляли. По той простой причине, что он был Главой Центра Испытательной Медицины. Когда все врачи Арктиды начинали чесать в затылке, больного доставляли в ЦИМ. Если успевали, конечно.

– В общем, ребята, я вам хочу это рассказать. Во-первых, в космосе творится что-то нехорошее. А Нарадка туда не сегодня-завтра отправится. Да и ты, Любава

Он не договорил. Мама спокойно кивнула.

– Ну, да, конечно. Планетарные переводчики у нас всегда в первых рядах.

Отец нахмурился.

– Ты, между прочим, напрасно иронизируешь. Вас порой куда только не суют. Ко мне доставили парня. Сняли его с мёртвой виманы. Не нашей, прошу заметить, откуда-то из Дальнего Космоса. Случай, как бы, обыденный. Дружина покинула судно, воевода остался.

– И в чём странность? – не выдержал Нарад.

– Странность в том, что капитаном был представитель древней расы. Тёмной расы, судя по цвету кожи. Только рост, как у нас. Ну, плюс мелкие антропологические особенности... но это, по большому счёту, неважно.

– Но ведь древние расы не выходят в космос, – удивилась мама. – Никогда не выходят, это их собственный Закон. А уж как они свой Закон соблюдают, не мне вам рассказывать.

Глава ЦИМа усмехнулся.

– А теперь самое интересное: парень этот почти не отличался от перворождённых. Только рост сажень без чети[4], но кожа чёрная, как сажа! При полном исследовании выяснилось, что генетически это человек. Более того, его геном почти полностью совпадает с нашим. Фактически, он такой же арий, как и мы с вами.

– Чёрный – и арий?! – опешил Нарад. – Бред какой-то!

Да, тут было, над чем поразмыслить. Шёл триста двадцать второй год третьей эпохи Водолея. По расчётам учёных, изучавших древние летописи, их цивилизация существует третье тысячелетие.

Древние Расы, конечно, на то и древние. Сколько живут на этой планете они, вообще ведомо, разве что, Мудрым. Только у них есть доступ к древним табличкам с их рунами. Запрятанные за семью печатями от праздных глаз в тайных комнатах их Храмов, руны эти хранят тайну бытия. И стража при них состоит такая, что и в темноте видят как днём, и слух у них, что у летучей мыши, а силы и ловкости они неимоверной. Обычные воины им и в подмётки не годились и простым смертным в тот Храм вход заказан. Но древний в космосе, который и не древний вовсе.... Полная бредятина!

Когда люди стали заселять этот Мир, выяснилось, что обитатели здесь уже есть. Среди них были и очень похожие на людей. Были древние высокого роста, бледнокожие и светловолосые, были маленькие, не выше метра, жившие преимущественно в подземных норах, и многие другие. Всякое бывало, но, со временем, научились как-то сосуществовать, не мешая друг другу. Некоторые существа просто вымерли. Такие, как аспиды, например.

– А ошибки быть не может? – с надеждой спросил Нарад.

– Нет, – покачал головой отец. – Мы же его потом на запчасти разобрали.

Он тяжело вздохнул.

– Он, скорее, человек. Ну, или точнее, мутант. Это, конечно, сугубо моё мнение. На мой взгляд, родился он человеком. Может, воздействие космического излучения?...

Однако вид его ясно говорил, что он и сам в это не верит.

...Ястная «Утайя» был один из тех немногих мест, куда пускали не всех. Скорее, это было что-то вроде клуба – для тех, кто имел непосредственное отношение к космосу. Традиции, установленные чуть ли не с момента Исхода, свято соблюдались всеми – от зелёного отрока до убелённого сединами архистратига. Белые льняные скатерти, литая серебряная посуда, фарфор и хрусталь – всё это придавало заведению неповторимую атмосферу. За два прошедших тысячелетия люди так и не нашли ничего удобней нержавеющей стали и армированного стекла. Удобней – да!

Но расстелить на коленях накрахмаленную льняную салфетку, серебряным ножом ткнуть в кусок мяса, поджаренный на живом огне, а не на токах высокой частоты, а, главное, ощущать себя не только избранным, но и равным среди равных! В общем, Нарад в эту минуту был по-настоящему счастлив. А сидевшая рядом Лаодика, на которую обращала внимание вся мужская часть присутствующих, была последним штрихом – счастливее быть уже просто невозможно.

– А Акара с Ладой будут?

– А? – спустился с небес Нарад. – Обещали. У неё сегодня утром тоже какой-то экзамен должен быть. Если завалит – выпьет Акаре всю кровь. Какая уж тут «Утайя»!

– Это Лада-то завалит? – вступилась за подругу девушка, – Да она даже не знает – что это такое. Кстати, а куда ты распределяться собираешься?

– Надо ещё Последнее Испытание пройти, – уклончиво отозвался Нарад.

– А что, боишься, что не пройдёшь? – поддразнила она парня.

– Я? Боюсь?! – возмутился он, выпятив грудь. – Дикие звери разбегаются, когда я вступаю в лес с гордо поднятой головой!

Он взял графинчик с наливкой и плеснул Лаодике и себе.

– Выпьем за космических волков!

– Куда ты мне столько набуровил? – недовольно поморщилась подруга. – Ладно, за волков, так за волков. Так, на что ты нацелился? На Глубокий Космос, конечно?

– А чем плох Глубокий Космос? – пожал он плечами.

– Ага! Ты, значит, рвёшься покорять неизведанные дали. А я, как соломенная вдова, сиди и проливай слёзы... Да ладно, не хмурь брови, шучу. О, а вон Акара с Ладкой.

Она махнула рукой, привлекая их внимание. Молодые люди, заметив их знаки, уже пробирались между танцующими парами.

– Ну, какие новости? – поинтересовалась высокая русоволосая Лада.

Она хорошо знала, что красива той, истинной красотой, которую можно увидеть на древних настенных росписях.

Они пили мёд, танцевали. Нарад, увлечённый разговором с Лаодикой, не заметил – что именно произошло меж Акарой и Ладой. Скорее всего, Акара попросту не выдержал атаки взглядов, направленных на его подругу, и сделал ей замечание. Что в таких случаях бывает – известно многим. Развернувшись, девушка подошла к столику, словно не замечая отчаянных попыток парня загладить не ко времени вылетевшие слова. Лицо её, утратив беззаботную радость, стало замкнутым и холодным. Лаодика, мгновенно оценив ситуацию, встала из-за стола и, ласково коснувшись пальчиками щеки Нарада, словно извиняясь за испорченный вечер, пошла с ней на выход.

Сокрушённо стукнув кулаком в край столика, Акара плюхнулся на кресло и налил себе мёда.

– Всё, как всегда. Ну, не могу я спокойно смотреть, когда на неё глаза пялят. Скажу, так она же и обижается. Ну, неужели она не понимает?

– А мне, наоборот, нравится, что на Лаодику смотрят. Невольно горжусь, что такая девушка выбрала именно меня. А это, знаешь, дорогого стоит.

– И что мне теперь делать?

– Да ничего. Просто не лезь со своим мнением в её жизнь, пока тебя не спросят. Помирись, не в первый раз, – пожал плечами Нарад.

Ему совершенно неинтересно было слушать полные ревности речи друга, да и не первый раз такое случалось. Обиднее всего, что он сам, возлагавший столько надежд на этот вечер, оказался, по милости Акары, и не у дел, и без подруги.

– Выпьем мёду за твои слова! – Толкнул его в плечо друг и неловко смахнул со стола ложку.

Серебряный предмет, блеснув в луче света, щучкой соскользнул со стола и нырнул к ногам Нарада, который нагнулся её поднять. Край стола закрыл от него друга, и он не увидел, как Акара бросил в кубок с мёдом маленькую серую крупинку. Никто и не обратил на это внимания, кому какое дело до отдыхающих за соседним столиком...

Секунду спустя, когда злосчастная ложка была поднята и возложена на скатерть, друг уже протягивал ему его кубок. Они дружно выпили и с волчьим аппетитом накинулись на почти не тронутые заедки. Минут через десять Нарад «поплыл».

– Эх тебя развезло! Как только умудрился? – выговаривал Акара, подхватывая сползавшего со стула друга.

– Худо мне, воздуха не хватает. – Бормотал Нарад, еле передвигая подгибавшиеся ноги. – Я и выпил-то всего ничего....

К ним важно подошёл старший стольник.

– Нужна подмога?

Акара отмахнулся.

– Исполать тебе, нам рядом. Сами доберёмся. Это друга развезло, а я совершенно твёрзый.

Выйдя на улицу, Акара призывно махнул рукой, и стоящий в тени дерева космолёт подплыл к ним неслышной тенью. Затолкав в него полубесчувственного друга, он взял из рук возницы блеснувшую в свете фонаря золотую карточку, сунул её в карман форменной куртки и спокойно пошёл прочь, нисколько не заботясь о дальнейшем.

«Аристоник, сын Меланиппа, Гиперборея, 8393 год Золотого Века, или 1958 год эры Скорпиона, хайре!

Скорбью наполнено моё сердце. Наблюдаю последние часы Гипербореи, восславленной в веках, и руки опускаются в бессилии. Но долг Летописца не позволяет мне поддаться слабости и, скрепя сердце, излагаю в письме то, о чём язык мой злосчастный не в силах был бы молвить.

Не желая утомлять того, кто будет читать эти пропитанные слезами строки, я всё же коснусь предыстории события. Ибо не открыто смертному, суждено ли Гее выдержать такой страшный удар или всё рухнет во мрак Аида. Молю Богов, чтобы уцелел этот документ, и потомки узнали, как зародилась благословенная Гиперборея, как, на горе себе, пригрела на груди недостойных атлантов, и как жестоко поплатилась за великодушие своё.

В незапамятные времена повержены были титаны богами и изгнаны за пределы Ойкумены. И пришли они в этот край, и искусством своим вдохнули жизнь в землю, скованную вечными льдами. И на месте холодной пустыни выросли города и расцвели сады. Страна же была названа Арктидой.

Титаны брали в жёны дочерей человеческих, и от этих браков появился славный народ – ариши. Велики были знания и неисчислимы ремёсла, которыми они владели. И не было в Ойкумене народа, более искусного в том и другом. Сами же титаны пребывали в храме своём, лишь изредка помогая советами детям своим. Ариши прозывали их Мудрыми. Точно над жерлом Великой Впадины высилась Великая Гора Меру, а на вершине её Храм Странствий по Мирам – средоточие духовной силы Арктиды.

Благодаря магическому искусству неизвестных зодчих это огромное каменное здание висело в воздухе. Шли века, и огромная тень парящего Здания все также падала на неподвижно мчащиеся стены чудовищного водоворота. Тень эта имела форму креста. И она множилась и мерцала, каждый раз отражаясь чуть иначе. Сполохи небесного огня, не прекращая, плясали над горизонтом внутреннего моря Арктиды. Сами ариши именовали этот водоворот Коловоротом, ибо, уходя под землю холодной, выходила вода согретой подземным огнём, и вечное лето царило над Арктидой.

Движимые лучшими чувствами, приблизили ариши жителей острова, именуемого Атлантида, что расположен был в море Эллинском за Геркулесовыми Столпами. Ибо атланты

были искуснее остальных людей в ремёслах и науках. И одарили их арии разными устройствами, чтобы поднять до своих высот. Видя их преданность и раболепие, поверили они в преданность атлантов, и научили многим премудростям, даже летать по воздуху.

Но чёрной неблагодарностью заплатили атланты простодушным ариям. Нашлись такие, что сказали: «Мы сами подобны богам, почему мы должны подчиняться титанам? Чем они лучше нас?» И чернь, гордая оттого, что равна богам, пошла за ними. Атланты страшным оружием, которому имени нет, уничтожили земли благословенной Арктиды, превратив её в воду. Но велика была сила титанов, и ответным ударом стёрли они Атлантиду с морской глади, которая поглотила мятежный остров.

На горе ариям, не разглядевшим за показным смирением атлантов чёрного коварства, вероломным ударом разрушен был Коловрат, согревающий и земли, и воздух. И цветущий некогда край стал погружаться в ледяной мрак.

О, горе нам! Мы уходим через Храм Странствий по Мирам, что высится ещё над священной горой, ибо говорят Мудрые, что и он будет разрушен скоро. Все люди, оказавшиеся в Арктиде, собраны добродетельными ариями. И скиты, и эллины и другие. Ухожу и я, но брошу документ этот в воду в слабой надежде, что он дойдёт до наших потомков. Хайре!»

Данный документ, исполненный на табличке из неизвестного металла, поднят со дна Белого моря 17.07.2123 г. Гидрографической Экспедицией Российской Академии Наук.

Глава 3. Бегство в никуда

...Сегодня им впервые дали увольнительную, и заправщик за пачку сигарет согласился подбросить их на своём мастодонте до города. Пялились с наклеенных картинок длинноногие блондинки с грудью, насмерть поражающей воображение, орал в динамиках какой-то рок-звездюк. Водила, пребывая в полном кайфе, отбивал рукой такт по баранке. Лёха с Максом не лезли к нему с пустой болтовнёй, а попросту дремали, помня, что «про запас» спать не вредно. При тормозив у супермаркета, водитель высадил их, и взревевшая машина рванула дальше, оглашая музыкой окрестности.

– Куда идём?– поинтересовался Макс, ткнув локтем в бок Лёху, который уже весело перемигивался с молоденькой продавщицей за огромным стеклом аптеки.

– Как это, куда?– обернулся тот. – Нам было настоятельно рекомендовано посетить здешний рынок для фермеров. Видать, резидент нас встретит в облике ковбоя, пригнавшего скот на продажу.

– Ну, да! А я, было, убогий, подумал, что он под видом быка или лошади туда внедрился, – хмыкнул Макс.

Подкусывая друг друга, они подались в назначенное для встречи место, лениво разглядывая полинявшие на солнце улицы провинциального городка. Ничего необычного он, говоря откровенно, собой не представлял. Глухая провинция везде одинаково уныла. Населения кот наплакал, а, может, просто подались в более спокойные места, подальше от безвластия на ничейной пока земле. Людишки, они тоже не дураки, и хорошо понимают, что вот-вот грянут военные «разборки». Тогда, уж точно, никому мало не покажется.

На самой окраине они увидели несколько фургонов для перевозки скота, что приткнулись недалеко от салуна, стилизованного под времена Дикого Запада. Раскинувшиеся шатры над рядами с товарами фермеров хлопали от налетевшего ветерка. В полупустых загонах для скота царил запах навоза и скопище мух. Дальше расстилалось некое подобие степи со скудно разбросанной растительностью, да ещё ветер, закручивающий в воронки мелкий мусор. Скуотища полнейшая.

– Тут народу, что в бабкиной деревне в сенокосную пору, – хмыкнул Макс. – А хорошо бы сейчас искупнуться да в стогу поваляться.

– Если только на пару с неприятзательной девицей, – согласился Лёха. – Но у меня, в этом плане, печальный опыт. Как-то раз весь искололся. Я предпочитаю с удобствами.

– Трепло, — безнадёжно махнул рукой Макс.

Они медленно бродили среди прилавков, разглядывая выставленные товары: от сёдел и сбруи до гвоздей с подковами. Напарники купили у бойкой девахи в «стэтсоне» по заливной кетчупом сосиске в булке с кунжутом. С аппетитом поглощая вечные «хот-доги», Макс и Лёха приостановились возле индейского шамана, который гадал желающим на бобовых зёрнах и перьях, с интересом наблюдая за процессом. Этот горбоносый, одетый в замшевые штаны и кожаную безрукавку старик производил странное впечатление. При всей кажущейся худобе, опытный в таких вещах человек мог отметить неброскую грацию хищника и выверенную динамику в его скупых движениях. Треугольные уши с чуть заострёнными кончиками придавали его лицу что-то хищное.

Шаман с загадочным видом махал перед носом клиента каким-то дымящимся пучком трав. Полынным, судя по запаху. Сидевший перед ним молодой парень, судя по простецкой физиономии, сын приехавшего по делам фермера, поднялся, озадаченно почёсывая макушку, и подался к одному из фургонов.

– Ну, в точности, Ванька из глубинки! – хмыкнул Лёха. – Репу чешет совсем по-нашенски.

Увидев приглашающий жест индейца, Макс отрицательно помотал головой. Из-под опущенных век, на краткий миг, сверкнул острый, далеко не старческий взгляд.

– Если пожилой индеец предложил вам немного погадать, не стоит обижать его отказом и жалеть пару монет, – на чистейшем русском укорил тот. – Садитесь, поговорим. Триста сорок семь человек гадали у меня в этом месяце и, поверьте, все ушли довольными.

Опера переглянулись. «Триста сорок семь» было паролем, по которому они должны были узнать резидента. Однако!

– Называйте меня дядя Стив. Садитесь напротив и делайте вид, что развесили уши, – спокойно приказал резидент.

Когда оперативники уселись перед шаманом, им даже не пришлось слишком напрягаться, чтобы изображать изумление. За годы службы им всякое пришлось повидать, но резидент в облике индейского шамана — это уже чистый Голливуд. Лёха, для полноты картины, бросил в расписанную узорами чашку монеты.

– Значит, так, — спокойно продолжал индеец, с важным видом раскладывая на открытых ладонях Алексея бобы и петушиные перья. — Средства связи возьмёте в камере хранения вокзала, ячейка 875, код Y-147. Завтра силы Коалиции перейдут в наступление. Будьте к этому готовы. Подразделение «S7», по мнению аналитиков, могут использовать как заслон. Кое-кто из аналитиков выражает обеспокоенность тем, что неподалёку находится законсервированный космодром. Правда, вероятность его использования не слишком высока, не более 32%, но, всё-таки, имейте это в виду. Есть вопросы?

– А хрен ли спрашивать? — пожал плечами неугомонный Макс. — Вероятность есть, а средства дальней связи где? Мне, если что, из другой галактики флажковой азбукой передавать прикажешь или костры разводите?

– Возможно, передадут, — безмятежно ответил резидент. — На крайний случай запомните пароль: «Вам привет от Монтесумы».

Лёха громко и невежливо фыркнул.

– А про славянский шкаф там ничего не было?

– Хорошенькое дело, — скорчил рожу Макс. — Кто у вас там боевиков насмотрелся?

– Зато, уж точно, ни с кем не спутаешь. Ладно, поболтали, и будет.

Они поднялись готовые уйти, но индеец неожиданно поймал Лёху за руку.

– Ты забыл, что заплатил мне за гадание. Я эти деньги отработал по-честному. Сказать, что тебе выпало?

– А почему бы и нет? — заинтересовался тот, отмахиваясь от Макса.

– Да не слишком много, но и не мало для такого пострела, как ты. Женишься скоро, вот и вся твоя новость.

Макс, глядя на вытянувшуюся физию друга, откровенно заржал.

– Была у собаки хата, дождь пошёл, она сгорела. Ещё не родилась на земле та баба, что его уговорить сможет.

– А я не говорил, что его уговаривать будут, сам попросит, – шаман сделал глоток из выдолбленной тыквы. – Ладно, поболтали, и будет. Проваливайте. Может, увидимся ещё

– Будь здоров, дядя Стив, — серьёзно ответил Макс, а Лёха, прощаясь, отсалютовал широкой ладонью.

– Короче, здесь посылают нахрен, — резюмировал Макс, едва они отошли подальше. — А дяденька шпион живёт этажом выше.

...Вернувшись в центральную часть города, они проболтались с час по пустынным улицам, а потом зашли в крошечный ресторанчик и заказали себе приличный обед.

– Значит, завтра краснокожие братья начнут окончательное восстановление исторической справедливости. – Лёха вдумчиво трудился над запечённой грудинкой. – Что лично меня

не устраивает, так это то, что для них все бледнолицые на один фейс. Они и нас под это дело с доски смахнут, и к бабке не ходи.

– Да, уж, — с чувством согласился Макс, орудуя над скворчащей беконом яичницей. — Так и не усвоили, понимаешь, неблагоприятные аборигены всех прелестей толерантности и демократии.

– Не скажи, — осклабился Лёха. — Кое-что, всё-таки, усвоили. Потому пленных брать не станут, мочить будут всех.

– Я так мыслю, Лёха, что надо будет к сержанту поближе держаться. Камински, сдаётся мне, старый пёс и собственную шкуру беречь умеет. — Запивая очередной кусок пивом, рассуждал Макс. — Все лазейки знает.

Они лениво поднялись и отправились на площадь, где всех отпущенных в увольнение уже ожидал небольшой автобус из части. Большинство возвращавшихся, в изрядно поддатом состоянии, делились меж собой впечатлениями о местном борделе, где они и провели свободное от возлияний время.

– Вот, видишь, — всадил шпильку неугомонный Макс. — Все люди, как люди, с бабами время проводили. А мы со старым индейцем.

– Не говори, — не остался в долгу товарищ. — Связался я с тобой, с извращенцем.

И, переглянувшись, «волкодавы» жизнерадостно заржали.

...А в три часа ночи истошно взревела сирена.

– Тревога! С оружием на выход! По машинам, мать вашу! Торпеду вам в то место, откуда крылышки не растут!

Под дружные «благословения» сержантов началась ускоренная посадка в машины с приглушённо урчащими двигателями. Едва они плюхнулись задницами на скамьи, как колонна двинулась. Выскочив на автобан, машины с притушенными фарами помчались на предельной скорости. В отдалении ночное небо распарывали осветительные ракеты и слышались приглушённые расстоянием взрывы.словно швейные машинки, стрекотали крупнокалиберные пулемёты. Лёха, у которого, по выражению Филиппыча, был «компас в голове», быстро сориентировался по направлению. Ага, вся шумиха доносится со стороны космодрома. Оба-на! Похоже, аборигены решили не рисковать, перекрыв «изгоям» главный путь эвакуации. На другом краю небосклона вспыхнуло и стало разгораться зарево большого пожара.

А вот это уже интересно. Вчера, в автобусе, один поддатый «перец» болтал, что как раз в том секторе находится секретная лаборатория. Кто же это так постарался? Могла, конечно, и Коалиция долбануть. Но, скорее всего, что сами «изгой» её и «зачистили». Тем более, что в автобусе тот поддатый солдатик болтал о каких-то несусветных чудовищах. А, следовательно, это была лаборатория по производству биологического оружия. Которое, кстати сказать, уже лет триста, как запрещено.

Но долго ломать головы не пришлось, звуки боя были уже рядом, и колонна, резко притормозив, свернула в черневшую неподалёку рощу. Высадка и бег с полной выкладкой до небольшого населённого пункта, где их встретил какой-то замотанный лейтенант-морпех с нашивкой «S2». Ага, разведка. Короткая команда и морские пехотинцы рассыпались, занимая оборону. Пока здесь было тихо.

Бой справа стих и наступила напряжённая тишина. Макс с Лёхой оказались у самой стены бетонированной будки. Видимо, местная подстанция, но до рассвета оценить окружающую обстановку было практически невозможно. Неподалёку от них обосновались белобрысый Эдгар с чернявым. Только, вот, что-то свербило внутри и не давало покою.

– Слышь, Макс, — прошипел Алексей. — Мы на фоне этой стенки вполне готовы к расстрелу, даже ставить не обязательно.

– Вот именно. Как две маргышки на одинокой пальме. Давай-ка малость переместимся, а то у меня сердце не на месте.

Они поменяли позицию с таким расчётом, чтобы не торчать на мушке у ненадёжных сослуживцев. Грамотно примениться к местности труда не составило, теперь та же самая стенка надёжно закрывала их от злопамятных «соседей». Теперь им хорошо будет видно и прежнюю позицию, и эту парочку. Лёха выудил из кармана пачку галет, и медленно хрустя, прислушивался к окружающим звукам. Вроде бы и тихо, но что-то в этой тишине его, явно, не устраивало.

– Что-то тут не так.

– Лёха, перед нами кусты и деревья, а ночные птички ни гу-гу.

– А я почём знаю? — хмыкнул тот, — Я горожанин, это ты у нас на пленэре вырос. Я хрен его знает, когда эти птички чирикать должны.

Послышался звук осыпающихся камешков, и к ним подобрался сержант Камински. Оба мельком отметили, что и он передвигался ползком. Противник и на звук шмальнуть может. Битый волчара.

– Чего со своего места сорвались? Ищи вас тут, придурков, – вполголоса ругнулся он. – Что слышно?

– В том-то и дело, что ничего, – тихо ответил ему Макс. – Но впереди нас люди затаились.

– Кого видел?

– Я не филин в темноте видеть, а только птицы впереди нас молчат, значит, люди рядом есть и их много.

– Соображаете, – голос выдавал одобрение. – Ладно, если кто появится, знак подайте, я рядом.

И он проворно уполз дальше. А они напряжённо ждали. Темнота тихонько истаивала, стремительно приобретая серый оттенок. В предрассветном сумраке черные купы, словно проявляясь на фотоплёнке, медленно проступали отдельными кустами, стволами и ветками. От ползущей по траве туманной дымки пахло прелой сыростью, она неприятно оседала на лицах и одежде, стало зябко. Вот уже серый цвет сменился на белёсый, и край неба стал наливаться розовыми тонами, предвещая скорое появление солнца. Впереди испуганно зацокала белка, с дальнего куста с писком сорвалась стайка мелких птах, потревоженная неосторожным движением. Покачнулись ветви, и меж них стали возникать крадущиеся фигуры вооружённых людей. Дождались, слава, те, господи!

Макс подал условленный сигнал, поцокав в головную гарнитуру рации. Они лежали, вжимаясь в землю. Перестрелка вспыхнула неожиданно. С другой стороны подстанции кто-то не выдержал напряжения и первым открыл огонь. Один из наступающих словно споткнулся под лучом и нелепо завалился навзничь, остальные ощерились плотным огнём. У нападавших, судя по синеватому оттенку лучей, излучатели были устаревших моделей, зато были гранаты. Ухнул взрыв, ещё один, и ещё. Крики и шипение лучей внезапно перекрыл нечеловеческий вопль боли и страдания.

Оглянувшись, Макс присвистнул. Между покинутой ими позиции и схроном Эдгара курилась кислым дымком от разрыва большая воронка, стена подстанции была исклёвана кучно лёгшими осколками. Месиво из плоти, костей и обрывков формы некогда было чернявым. Метко накрыли. А орал белобрысый Эдгар, Корчась в песке, он, в горячке, пытался удерживать трясущимися руками собственные кишки, выпиравшие из вспоротого осколками живота. Он так и не понял, что уже покойник. А ещё через минуту, бьющий по нервам вопль оборвался.

– Отыгрались, – бросил в никуда Лёха. – Бог не фраер, его не проведёшь.

– Умеешь иногда в точку сказать, – ответил между выстрелами Макс.

Они стреляли, ничуть не смущаясь. Своя жизнь всегда дороже любого чужого идеала, по ним ведь тоже стреляют без дураков. Да, и нет у них права на смерть. А совсем даже наоборот — вернуться они обязаны живыми и, обязательно, с ценной информацией. Примерно через час огонь с обеих сторон сошёл на нет, нападавшие отошли, вероятно, для перегруппи-

ровки. Кто курил, пытаясь удержать дрожь в онемевших от напряжения пальцах. Кто-то, достав сухой паёк, перекусывал, но таких было мало. Большинство знало, что, если словишь пулю в набитое брюхо, то шансов выкарабкаться с того света – ноль.

Санитары, пользуясь затишьем, оказывали помощь раненым. Эдгара и то, что осталось от чернявого, запаковали в чёрные мешки для отправки в часть при первой оказии. Но связист успел проболтался вездесущему Лёхе, что база была захвачена спустя полчаса после их отбытия, и теперь морпехи сидели, угрюмо прокачивая свои шансы.

Потом атака следовала за атакой, начались обстрелы из дальнобойных орудий. Они сдерживали войска Коалиции и, теряя людей, медленно и неотвратно пятились к космодрому.

В одну из немногих передышек Макс с Лёхой, обросшие трёхдневной щетиной, укрылись за развороченным взрывом транспортёром и жадно ели кашу с мясом из вспоротой ножом банки. Снабжения никакого не было, и морпехи быстро сообразили пополнить продовольственный запас из подвальчика сгоревшего неподалёку магазина.

– Вот вы где, – Камински со своей небритой рожой выглядел не намного лучше их самих. – Снимаемся.

– Куда ещё? – устало поморщился Макс, потирая воспалённые от недосыпа глаза. – Вроде больше отступить некуда.

– На загрузку. Хрен эти тыловые крысы меня тут оставят. – Видно было, что сержант выговаривает то, что наболело. – Зубы вставить забыли, прежде чем на меня таякать. Пошли к транспортнику, пока они своё добро пакуют.

– Без нас из них в момент фарш накрутят, – оскалил зубы Макс.

– Мне своя шкура дороже их побрякушек, – зло бросил Камински. – И чужих шлюх мы охранять тоже не нанимались. Кончай травить. За мной!

Их и осталось-то всего ничего. Но, взглянув на решительную рожу сержанта и готовых открыть огонь по его приказу морпехов, внутренняя охрана Космопорта возражать не рискнула и беспрепятственно пропустила их к космическому кораблю, что принимал на борт потрепанные и изрядно поредевшие остатки элитных подразделений. Распоряжавшийся загрузкой офицер, видимо, и сам не сидевший по кабинетам, понимающе усмехнулся и занёс их в список отбывающих.

Макс и Лёха «забили» себе свободные места и, сбросив свои пожитки, спустились по трапу на «свежий» воздух. Вокруг космодрома пылали пожары, в воздухе носились хлопья пепла и сажи, пятная одежду и лица, но на это внимания уже никто не обращал. Тяжёлые туши военных транспортников стояли поодаль от пассажирского космолёта. Они с брезгливостью наблюдали со стороны, как там суетились «сильные мира сего», в одночасье оставшиеся не у дел. Сверкали лаком подъезжавшие к трапу шикарные лимузины, под завязку набитые прихваченным добром. Умотанные стюарды, надсаживаясь, таскали огромные баулы и саквожи.

– Мы по их милости под смертью ходим, а тут собачек с собой тащат! – не удержался знакомый им сержант со шрамом, благодаря приятельству с Камински тоже прибившийся к ним.

Из очередной машины выплыл толстяк, следом за ним престарелая гримза с надменным взглядом. На её униженных кольцами руках тряслась мелкая шавка в сверкавшем на солнце ошейнике.

Вновь начался обстрел и чинуши, растеряв всю вальяжность, порскнули вверх по трапу, как напуганные крысы.

– Вестовой говорит, – встрял в разговор куривший рядом связист. – У них там всё по высшему классу оборудовано. Каждому отдельная каюта с персональным клозетом и ванной, а дорогой жратвой половина трюма забита.

– Лучше со своими сдохнуть, чем при таком дерьме прислуживать, – плюнул Камински.

– Пускай они сами дохнут, – не удержался Макс. – Нам и без них не худо.

– Кончай трёп! Все на борт! – заорал сержант, когда послышался характерный звук летящего снаряда.

Все кинулись за ним. Едва они успели закрыть за собой дверь, как тяжёлый, нагруженный под завязку, транспортник тряхнуло волной так, что их самих просто зашвырнуло в салон. В иллюминатор они увидели, что от удачного попадания снаряда огромный заправщик просто перестал существовать. На его месте к небу взметнулся огромный, клубящийся сгусток ослепительного огня и чёрного дыма. А рядом, словно факел в Хэллоуинскую ночь, полыхал пассажирский корабль.

– От судьбы хрен уйдёшь, – с трудом разлепил губы Лёха. – Видать, тот, кто свыше, не зря собрал их в одну кучу...

– По местам! – разнеслась команда по общей связи. – Всем занять свои места и пристегнуться для взлёта!

Они понеслись к своему месту, защёлкнули замки на ремнях, фиксируя безопасное положение тела. В давящей тишине все замерли, слушая монотонный отсчёт последних предстартовых секунд. Истеричный гул запускаемых реакторов сменился на ровный рокот и вибрация, заставлявшая сжимать челюсти, исчезла. Мягкий толчок и человеческие тела вдавило в кресла тяжестью ускорения. Мелодичный сигнал оповестил о выходе транспортника из атмосферы земли. Корабль вырвался в открытый космос...

Глава 4. Отрок и аспид

Голову раскалывала боль. Подкатившая к глотке тошнота заставила его разлепить, наконец, веки. Над головой нависала низкая притолока, словно придавливая его распростёртое на лежанке тело. Стоп! Какая лежанка? Где он находится? Превозмогая головокружение и слабость, Нарад с трудом нашёл равновесие на «пятой точке» и обвёл взглядом помещение. Узкая, похожая на пенальчик, комнатка, в которой, кроме лежанки, уместился ещё крошечный сундук. Такие обычно стоят на космолётах. Сбоку, в спецзажиге, сетка для перегрузок на старте. Он что, в космосе?!

Последнее, что он мог вспомнить, это мягкий свет ястной, хрустальный звон кубков и льющая из музыкального автомата мелодия. Глаза Акары. И всё. Остальное словно пропало, истаяло в зыбком мареве, поглощённое вязкой темнотой. Как, в таком случае, он мог попасть на космическое судно? Тревожные мысли, прогоняя боль, закрутились в голове. Так, если он оказался на борту в качестве порядочного пассажира с билетом, тогда не подходит антураж. Место, где он находился, приличной каютой назвать язык не поворачивался. Если это каюта для экипажа, что более всего приходит на ум после беглого осмотра, как он мог сюда угодить без распределения и без допуска к полётам? Вывод напрашивался один-единственный. Значит, это корабль татей.

Много ходило про них разговоров между отроками Даршана, кое-какие детали просачивались из кабинетов наставников, да и иные обмолвки давали пищу к размышлениям. Однажды, как домовый его дёрнул, взял да и спросил о них у Веда, что наставлял их по звёздным картам. Тот задумался, но потом кивнул головой и поведал отрокам то, чему некогда и сам был свидетелем, и ещё многое сверх того, к чему не имели отношения обычные люди.

– Потому и говорю вам о том, что космос бывает всякий. Один полёт на другой не схож, и куда занести может, тоже не каждому ведомо. И знания такие на звёздной дороге не лишние, могут иногда вам добрую службу сослужить.

Теперь оставалось напрячь мозги и прикинуть – как его могло сюда занести? Он был с Акарой, а тот бросить его он не должен был ни под каким видом. Но он здесь, а друг отсутствует. Да ещё это странное забытьё... Человек здоровый после пары кубков мёда не может вдруг отключиться до потери памяти. Вообще-то можно, но только в том случае, если ему кое-что подмешают в питьё или пищу. Отец ему когда-то рассказывал о таких препаратах и где их применяют. Упоминал и о редких сейчас звёздных татях, которые подобным образом набирают себе экипаж. Значит, его «захомутали», и, возможно, не без помощи лучшего друга.

Он обернулся на звук открывающейся двери.

– Хайре, лоцман, – одетый в самую обычную холщовую робу, что носили космонавты в обыденной жизни на вимане, седой крепкий мужчина смотрел на него глубоко посаженными серыми глазами без всякой насмешки.

Засученные рукава позволяли видеть застарелые шрамы на мускулистых руках. Человек явно жил не самой спокойной жизнью. Крепкую шею охватывал кожаный ремешок с амулетом-оберегом, в мочке уха поблескивала крохотная серебряная серьга.

– И тебе не хворать, – отозвался Нарад, соображая, с чего начать разговор.

Понятно, что сначала надо осмотреться – что к чему, а потом уж можно показать норы.

– А ты не шумный, – одобрительно произнёс седой. – Иной бы уже криком исходил.

– А чего орать? – пожал плечами отрок. – Всё одно делу не поможет.

– Тоже верно, – спокойно кивнул вошедший. – Ну, в общем, дело тут простое. Нам нужен лоцман. Потому мы тебя и «захомутали». Понимаешь – о чём я?

– Понимаю, – вспомнив рассказы отца, отозвался Нарад без особого энтузиазма.

Хорошего мало, конечно, но и в панику ударяться рано. Раз он в плену, значит, надо осмотреться и подумать – как отсюда утечь. А криком можно добиться только одного. Дадут по голове и выкинут в космос. Слыхали, и не раз.

– Значит, Акара меня вам сдал? – брезгливо скривившись обронил он.

– Куны все любят, и он не исключение, – усмехнулся седой. – Я Кормчий этой посудины, зовут меня Ипполит. Вимана зовётся «Аспид». Дружина у нас небольшая, но дружная. Познакомишься сам по ходу дела. В дружине будешь пока отроком. Но сначала посмотрим – что ты за лощман.

– Что надо? – спросил Нарад.

Он, в общем-то, и так всё понимал, просто тянул время, сам не зная зачем. Если тати крадут лощмана, то не затем, чтобы репу в столовой чистить. Хотя, может, и это придётся. Не зря же Кормчий его в отроках оставил.

– Вот это, уже разговор. Систему Никтура хорошо знаешь?

Нарад хмыкнул – ещё бы он систему родного светила не знал!

– Знаю.

– В его системе есть планета Тартар. Вот нам туда и нужно. Твоё дело – рассчитать дорогу и ввести в вычислитель.

...– Да куда ты денешься, – равнодушно сказал Битон, спускаясь рядом с ним по лестнице. – Прежнего лощмана так же захомутали, да будет его тропа светлой. Поначалу пробовал взбрыкнуть, да Ипполит его быстро стреножил, больше не рыпался. На последней охоте ему просто не свезло, зазевался чуток, и остались мы без лощмана.

Знакомство с дружиной началось именно с него, Кормчий, не заморачиваясь долгими объяснениями, крикнул Битона и велел ознакомить его с виманой.

– А что за дичь такую скрадывали? – поинтересовался Нарад.

Он не был записным охотником, как некоторые его товарищи. Да, и не так много было в лесах зверей, на которых разрешена охота. Плати кучу кун, заполняй гору документов, и всё ради того, чтобы лишить жизни ни в чём не повинную скотину, хоть и дикую. Оно ему надо?

– Сейчас увидишь, – хмыкнул здоровяк.

Нарад не успел удивиться, как навстречу ударило свистящее шипение, в лицо дохнуло жаром.

От удара, казалось, дрогнул пол под ногами.

– Ну-ну, успокойся, – Битон отстранил рукой отрока.

Метрах в пяти, за толстыми прутьями решётки, извивал гибкое тело тёмно-зелёный чешуйчатый гад. Схватившись жуткого вида когтями за перекладины решётки, он разинул клыкастую пасть и злобно зашипел, обдавая лица волной жаркого воздуха. Во рту бился раздвоенный язык. Всё, как на детской бересте. Что за ерунда?

– Аспид, – ответил на невысказанный вопрос провожатый. – Редкость большая. Неподъёмных денег стоит. Предшественника твоего, в момент, как свиной окорок, поджарил.

Отрок наблюдал за чудовищем в полном ошеломлении. Нет, он, конечно, знал, что есть древний народ. Видел как-то раз лесовика, читал статьи о берендеях. Домовой на глаза не показывался, как ему и положено, но его незримое присутствие являлось чем-то само собой разумеющимся. Даже когда он шалил с обувью или варежками, это принимали как должное. Ну, пошалит да вернёт. Домовой у них был порядочный, и относились к нему в семье уважительно.

Но таких существ, как аспиды, огненные змеи и прочие чудища, он считал выдумкой по определению. И вот тебе на! Зазевайся он чуть-чуть, и пришлось бы ожоги лечить.

Битон, тем временем, ласково приговаривая, подошёл поближе к решётке. Аспид, внимательно за ним наблюдая, продолжал грозно шипеть, но огнём больше не дышал. Открыв ларь, охранник доставал из него куски тёмного вяленого мяса и осторожно просовывал их сквозь

прутья. Занятие это было совсем не безопасным. Аспид, щёлкая клыками, хватал мясо и тут же его пожирал. Зазевайся немного – останешься без пальцев, а то и без руки.

– Приглядывайся, отрок, сам его кормить будешь. – Порадовал его охранник.

– Ещё чего! – вырвалось у него.

При этих словах, змей повернул голову, и уставился на него, потом перевёл жёлтые глаза с узкими горизонтальными зрачками на Битона.

– И нечего на меня пялиться, – добродушно буркнул охранник. – Какая тебе разница – кто тебе жратву давать будет? У меня и так дел по горло.

Аспид зашипел в ответ и неодобрительно глянул на Нарада, словно раздумывая, а не поджарить ли ему этого невежу? И презрительно отвернулся, словно решив, что не стоит. Пока не стоит.

– Он что, понимает что-то? – Ошалело глядя на чешуйчатое создание, изумился Нарад.

Гад, разинув пасть, негодуя зашипел и громко лязгнул челюстями, словно схлопывая огромный капкан.

– Он всё понимает, – усмехнулся Битон. – Ты с языком-то поосторожней, обидится – не подойдёшь. А ты имей в виду, – грозно глянул он на аспида. – Спалишь мальчишку, я тебя кормить не буду! Сдохнешь тут с голоду.

– Пойдём, – сказал Битон, закончив кормление. – Пора и самим подкрепиться. Стряпуха у нас варит важно, голодным не будешь.

Они снова поднялись наверх, и пошли по коридору, застланному узорчатым ковром. Витавший в воздухе запах чего-то вкусного становился всё отчётливей, и Нарад, так и не успевший нормально поужинать перед похищением, проглотил набежавшую слюну, в желудке отчаянно засосало. Шедший впереди охранник толкнул двери, и они оказались в небольшой уютной столовой. У плиты хлопотала невысокая статная женщина в цветном переднике и косынке, плотно закрывавшей волосы цвета воронова крыла.

– Чем сегодня потчевать будешь хозяйюшка? – заулыбался во весь рот Битон, и было ясно, что стряпуха давно и прочно занимает его мысли. – Отрока тебе вот привёл, подкормить бы надо.

– Да, я и без тебя о том знаю. Чего так припозднились, аль опять у змеюки своей отирался?

– Так, я что? Приказал Ипполит кормить, вот и приходится. А не то давно б подле тебя был.

Охранник, лукаво щурясь, подкатывал поближе к предмету своих мечтаний, и даже успел огладить округлое плечико. Грозно взлетевший над головой половник заставил его отступить на прежние позиции и устроиться за длинным, предназначенным для обеда всей команды столом. Нарад пристроился с ним рядом. Хотя в желудке и ворчало, но он-таки заметил лукавый блеск в глазах стряпухи и понял, что все эти грозные выпады – не более, чем женские уловки.

Охранник и сам был в курсе, но, прилику ради, делал испуганный вид и смиренно ухаживал дальше. Памятуя, что и капля камень долбит, а стряпуха человек живой, и хоронить себя в старых девах вряд ли намерена. Просто, уловив момент, сцапать свою голубку и к Кормчему, дабы узаконить свои права. Он уже заранее представлял свою дальнейшую семейную жизнь обок неё. А почему бы и нет? Кошель у него не пустой, как у некоторых. Осесть где-нибудь, купить себе домик в тишине на природе, а там и детишки пойдут. Лепота!

Стук мисы с наваристой похлёбкой о стол спугнул его мечтания и они, вспорхнув к прилолке испуганными пташками, испарились. Щекоцущие ароматы пряных трав заставили спуститься с небес и отдать должное мастерству стряпухи.

– Зови меня Гипероха, – присаживаясь напротив, сказала она Нараду. – Молоденький какой, совсем мальчонка. Наш Кормчий совсем озверел.

– Ты бы не задевала его, не ровён час... – пробурчал с набитым ртом Битон.

– Ажинно два раза промолчу. Мне бы ещё тут рот не затыкали. Если не по нраву, так пускай сам к кастрюлям встаёт. Я без работы не останусь. Меня давно на «Голубку» кормчий их сманивает, так что, с моим удовольствием, если Ипполита не устраиваю.

Нараду, в миг сметавшему свою порцию, стало смешно. Ему всегда нравились люди с задиристым характером, умевшие постоять за себя. И пол тут никакого значения не имел. Стряпуха ему понравилась, да и она, видимо, нутром почуяв его приязнь, засмеялась и, легонько стукнув пустой мисой Битона по голове, пошла подлить добавки новичку.

– Вот, и пойми их. То ли приласкала, то ли отругала? – озадачился влюблённый охранник, почёсывая макушку.

– Ага. Ещё один на мою голову бестолковый попался. А ты, малец, на него не смотри, лучше ко мне почаще заглядывай. У меня братишка меньшей сейчас как раз в твоём возрасте будет. Далек только он отсюда, и свидимся с ним невесть когда. Вот ты мне пока вместо него и будешь. А на этих охломонов поменьше оглядывайся. Что Кормчий сказал – сделай, а остальное не твоё дело, пускай сами крутятся. Им ведь без лоцмана никак, а другого захомутать – бабка надвое сказала.

– Гипероха, ты чему это отрока учишь? Он же так от рук отобьётся.

– Знаю я ваши руки. Все кому не лень их тянут.

– Опять Бастак тут руки распускал? Я же не посмотрю, что он подмога у Ипполита, обломаю по самое «не балуйся».

Нарад с интересом слушал начавшиеся разборки, выхватывая нужные крупницы информации. Авось, и пригодится что в дальнейшем из сказанного в запале. Одно он уже понял сейчас, Битон недолюбливает Бастака и, видимо, не только за его притязания к стряпухе. Есть нечто такое, что подпитывает его нелюбовь и помимо этого. Вот об этом не помешало бы узнать подробнее. Значит, будем дружить.

С другим обитателем виманы он столкнулся, когда шёл по коридору, сыто отдуваясь после обеда. Высокий жилистый мужчина, выйдя из боковой двери, остановился, явно поджидая его. Они остановились, рассматривая друг друга без особого стеснения. Черноволосый, на левом виске шрам, как бы оттягивающий верхнее веко. Взгляд жёсткий, уверенный. И одет, в отличие от привычной робы, в свободную блузу с широкими рукавами, собранными у запястий наручами, и свободного кроя штаны с широким, настоящей кожи поясом и замысловатой золотой бляхой на нём. Приличных размеров тесак за голенищем мягких ичиг. Однако...

– Ну, разглядел? – насмешливо поинтересовался мужчина. – Теперь запоминай как следует: я Бастак, помощник Кормчего. Предки мои – скиты[5], потому что мы по жизни скитальцы. Моё слово на вимане – закон. Твоё дело – проложить дорогу к Тартару. Сделаешь хорошо, получишь свою долю, и сам будешь решать – с нами тебе остаться или своей дорогой идти. Вздумаешь морочить, сам горло перережу и к Звёздному Деду отправлю. Понял меня?

– Понял, – кивнул Нарад. – Чего ж тут не понять? Доведу до Тартара – прикончите, не доведу – прикончите немного раньше.

– Думай, как знаешь, – пожал плечами Бастак. – Мне перед сопляком лжу творить не к лицу. Скиты, чтобы ты знал, даже перед лицом смерти не лгут. Пойдём, провожу на мостик.

Шагая по коридору за помощником капитана, Нарад размышлял. Очень может быть, что этот тать и не лгал ему, и что с того? Пять лет учили его в Даршане, и спрашивается, за каким лешим? Чтобы вот так, в один момент, по уши умазаться в этом грязном деле, и навсегда закрыть себе дорогу в Глубокий Космос. Ну, Акара, вот подставил, друг ситцевый! Ну, вот уж нет! Он ещё не придумал – как именно, но то, что ломает эту затею, Нарад знал точно.

– Вот, здесь теперь твоё место, бери это дело в свои руки, – показал Бастак просторную комнату, в которой одна стена была прозрачной.

Сквозь неё смотрел на них равнодушный космос. Мягкий бархат чёрного пространства и мириады звёзд. Совсем не таких, как на земле, далёких, прячущихся за туманностями, ровно светившими над головой или чуть мигавшими. Здесь они холодно сверкали неисчислимой россыпью бесценных бриллиантов. Лоцманский стол приветливо подмигивал разноцветными огоньками, мерцал экран вычислителя.

– Как вы на таком старье «дорожки били»? – невежливо удивился Нарад.

– Если ты лоцман, разберёшься, – равнодушно ответил помощник капитана, – А нет, так нет. Но ты уж постарайся, – с лёгким оттенком угрозы добавил Бастак. – Для твоей же пользы.

– Попробую, конечно, а что мне остаётся? – как бы, не расслышав угрозы, спокойно ответил Нарад, выводя на экран «стрелку».

Так, вычислитель новее, чем он думал. Теперь надо подумать – как этим ребятам ползать всю затею. И, желательно, конечно, остаться при этом в живых.

– Слушай, не стой над душой, – не слишком вежливо обратился он к скиту. – Мне с этим старьём разобраться надо. Если чего сделаю не так, мне же отсюда бежать некуда. Не ты зарежешь, так аспид сожрёт.

Бастак, пожав плечами, вышел, оставив Нарادا один на один с допотопной техникой и невесёлыми думами.

...Кормёжку аспида ему всё-таки всучили. Каждому на вимане приходилось совмещать несколько обязанностей, а куды бечь, если экипажа на крошечной посудине – раз, два, и обчёлся. Спустившись вниз, он с интересом и опаской разглядывал своего нового подопечного.

Нарад долго стоял возле лестницы, не решаясь подойти ближе. Хорс его ведаёт, что у этой твари на уме? Но сколько можно торчать столбом? Стой, не стой, идти всё равно придётся. И он решительно шагнул навстречу твари. Змей, разинув пасть, негромко зашипел, но скорее так, для порядка.

Нараду вдруг пришла в голову мысль, что понимающая человеческую речь тварь – не обычный представитель животного мира, а существо разумное. Пусть на людей и не похожая, но имеющая интеллект. А раз так, то не попробовать ли ему наладить с ним нормальный контакт? Аспид, в свою очередь, тоже наблюдал за ним и пока шугануть его прочь не пытался.

– Слушай, чем так маяться, давай я тебе в бак мяса наложу и поставлю рядом с тобой? Ты сможешь спокойно брать и есть, а не хватать каждый кусок. И тебе спокойно, и мне проще, не надо бояться, что ты мне с мясом руку отхватишь.

Аспид приблизил голову к самой решётке и наклонил чешуйчатую голову, словно соглашаясь. Нарад рванул к стряпухе за баком. Гипероха, поначалу шумнувшая для порядка, наконец, поняла его доuku и согласилась выделить один из запасных баков.

– Оно, конечно, тварь бессловесная, но, поди, тоже в неволе не сладко.

Наполнив бак, Нарад волоком подтянул его к решётке, почти ткнувшись «пятой точкой» в прутья клетки. При желании аспид мог распластать его в клочья, но только сопел, мелькая своим раздвоенным языком, и терпеливо ждал. Готово! Коготь змея подцепил первый кус и отправил его в пасть. Потом второй, третий, и скоро бак был пуст. Сыто отрыгнув, аспид положил голову на лапы и, казалось, задремал, кончик языка, так и остался торчать из закрытой пасти.

Нарад присел на перевёрнутый бак и невольно улыбнулся, вспомнив, как их домашняя собака так же засыпала с зажатым меж зубов розовым кончиком языка. Ему вдруг стало так тоскливо, захотелось домой к родным. Чтобы скользить в лунном свете, среди влажной и прогретой за день травы, окунуться в парную воду озера и доплыть до маленького мыса, где его уже поджидала подруга, подрагивая кончиком хвоста от нетерпения. А потом, поднимая фонтаны брызг, устроить игрища на мелководье, ласково покусывая её за гребень на спине.

Стоп! Нарад открыл глаза. Станный какой-то сон. Он, в образе змея купается с самкой в воде... или это не сон? Обернувшись к пленнику, наткнулся на устремлённый на него немигающий взгляд. Стало не по себе, по телу пробежали мурашки.

– Это ты, что ли, мне показал? – задал Нарад вроде бы глупый вопрос и впал в ступор, когда увидел кивок. – Значит, вы общаетесь меж собой мыслеобразами? Здорово!

– Отрок! Кормчий зовёт, – слышался крик Битона.

Оглянувшись, Нарад поднялся.

– Вечером поговорим, когда кормить приду. Не скучай.

...Нарад, ползая «стрелкой» по экрану вычислителя, размышлял. Их Светило уже осталось позади, мерцающая, среди прочих, ничем не приметной звёздочкой. Где-то впереди, на пару седмиц пути, находился Никтур. Ведающий Миртовую Лоцию душу из отроков вынимал. Потому уж что-то, а своё дело Нарад знал прекрасно. В системе этого светила есть одна странная особенность. Арктида — четвёртая планета, но на её орбите кружится не одна планета, а две — Арктида и Тартар. Периоды их обращения одинаковы, потому они всегда противостоят друг другу. А между ними и Латоной по сильно вытянутой орбите вращается планета Дива. И сейчас, насколько помнится, она с Тартаром почти в соединении.

Лоцман задумался. А ведь это шанс! На окраине системы вращаются два гиганта — Волот и Стратим... Так, а между ними пояс астероидов, в котором и лешего запутать можно. Если «пробить дорожку» так, чтобы гиганты своей тягой сдвинули виману в нужную сторону, потом в поясе крутануться туда-сюда... Тут даже лоцмана можно провести, не то, что этих татей. Тогда приземлить судно на Диве — вообще раз плюнуть! А эта планета, насколько помнится, вообще не заселена. Это, конечно, минус, но всё лучше, чем Тартар, про который он сроду ничего доброго не слышал. Кубло татишное!

Вот, если бы аспид использовать... скажем, для приведения этой дружинишки в чувство? Рискованно. В клетке он тихий, пока его кормишь. А на воле, глядишь, у него приоритеты поменяются. Не зря же во всех былинах аспид, змей — исстари враг рода человеческого. Впрочем, изложить ему план можно. Тут уж он точно ничем не рискует — чудовище ябедничать не побежит. Может, что путное присоветует.

Поразмыслив, он вбил в «дорожку» нужные поправки, надеясь, в глубине души, что не попутал массу гигантов. Хотя это как раз из области невозможного, ведь свои обязанности лоцмана и на тренажёрах, и на практике он выполнял на подсознательном уровне. Откинувшись на спинку вращающего кресла, с наслаждением потянулся. Так! Хватит с него трудов праведных! Неплохо бы сейчас хлебнуть горяченького сбитня. Тем более, что Гипероха напиток этот готовила дивно.

Воодушевлённый таким соображением, Нарад отправился в столовую. Уверенность в своих силах росла с каждой минутой. Зря, что ли, имя его пишется

Если читать его руны, смысл имени читался, помимо всего прочего, как «Изначальная глубинная энергия, созидаящая добро». И кого ему, спрашивается, с таким именем бояться? Смешно подумать, не то, что сказать.

Глава 5. Зелёный ад

...Армада кораблей, с гулом пронизывая пространство, неслась сквозь непроглядную мглу Большого Космоса. Маленькие человечки, скорчившись внутри железных скорлупок, ждали удара, которым, обычно, сопровождается внепространственный переход. Правда, последние модели космических кораблей были более совершенными, в них пассажир чувствовал себя, как у Христа за пазухой. Переход сопровождался только небольшим давлением на барабанные перепонки, как в самолёте при наборе высоты. Но тот космодром, с которого они стартовали, был резервным. Фактически, это было преддверие корабельного кладбища. Оттуда кораблям была одна дорога — на переплавку.

— Мне как-то пришлось лететь на ещё более старой модели, — прихлёбывая из фляжки, разглагольствовал здоровый парень по имени Марк. — Сами знаете, для государственных институтов вечно всякое фуфло сбагривали. Так, там, когда во внепространство переходили, рвануло так! Я думал, мозги по салону разлетятся.

— Так ты учёный, что ли? — спросил Макс.

— Да, — просто сказал тот. — Можно сказать, без пяти минут академик. Моя монография по термитам Платиновую Звезду Всемирной Академии Наук получила. А сейчас я сижу в этой поганой коробке и жду, когда Большой Космос мне по ушам хлопнет. *O quam cito transit gloria mundi*, — продекламировал он с чувством и снова сочно присосался к фляжке.

— А чего ты в Израиль не уехал, когда началась вся эта свистопляска? — немец по имени Гюнтер смотрел на учёного с явной неприязнью.

— Да то же, что и ты, в свой Фатерлянд, — не смутился еврей. — И нечего на меня зверем смотреть. Ты, что, антисемит, что ли?

— Нет, — покачал головой Гюнтер. — Я лейтенант Бранденбургской космодесантной роты. И мне наплевать на твою национальность, если не струсишь, когда дойдёт до дела. Но у меня, признаться, есть большие сомнения на этот счёт.

— Да, ладно вам, — примирительно сказал Макс. — Мы тут все с разных конюшен, не стоит собачиться раньше времени.

Он откинулся на спинку кресла и сделал вид, что спит. На самом деле ему было не до сна. Рядом безмятежно похрапывал Алексей. Счастливчик, он мог спать в любых условиях. Мимходом прислушиваясь к разговорам «сослуживцев», майор Красников пытался сообразить — что им делать сейчас? Вариант с бегством на космических кораблях, вроде бы, как он понял, аналитиками рассматривался. Но дальше анализа дело не пошло — слишком мала была вероятность.

А реальной жизни, как известно, плевать на все аналитические расклады. И вот они с Лёхой летят неизвестно куда. Без средств межпланетной связи, между прочим. И куда их сейчас закинет, одному Богу известно.

— Внимание! — раздался от входа голос командира. — Привести кресла в положение для «прыжка»! Шевелись, мальчики, а то размажет вас, как крем по галете!

Макс открыл глаза. Командовал капитан Старки, они познакомились уже на космодроме, когда держали оборону от сил Коалиции. Он показался ему неплохим парнем, разве что, чересчур язвительным. Так, обычно, ведут себя люди, которые не в ладах с самим собой. Он поглядел на напарника. Лёха, продрвав глаза, щёлкал сенсором переключателя. Кресло на глазах стало пухнуть, обволакивая сидящего. Через несколько секунд из того, что было креслом, виднелось только Лёхино лицо. Макс тяжело вздохнул и утопил жёлтую кнопку в подлокотнике кресла.

Сначала голову стало сдавливать так, словно гигантская мягкая ладонь вжала её в спинку кресла. Воздух из лёгких вдруг куда-то делся, он стал задыхаться, перед глазами поплыли цветные пятна. И из них, неизвестно откуда, вдруг выплыло лицо старого индейца.

– Макс, Макс! Да приди ты в себя, мать моя женщина! Фу-у! — с облегчением выдохнул Алексей, увидев, что товарищ открыл глаза. — Напугал, чёрт!

– Чего ты разорался? — язык во рту ворочался с трудом. — И куда нас, в конце концов, занесло?

– Не знаю ещё, разберёмся.

...Они стояли возле космического корабля, оглядываясь по сторонам. Зелёная стена джунглей окружала чёрное пятно, выжженное дюзами при посадке. Влажный тропический воздух, наполненный незнакомыми запахами, вызывал лёгкое головокружение. Дышалось с трудом и тело под формой моментально взмокло, по спине и животу неприятно поползли струйки пота. Сержанты, наконец, кончили шептаться с капитаном Старки, который остался с ними за старшего.

– Значит, так, помидорчики, — сказал, подойдя, сержант Камински. — Выдвигаемся к месту, где будет разбит наш постоянный лагерь. Наш взвод идёт в голове. Движение в две колонны. В первой шеренге Макс и Гюнтер, во второй Лекс и Марк, будешь мне объяснять про всю живность, которую встретим в пути. Капитан Старки считает, что её здесь до хера. Прочие — произвольно. Становись!

Огромные стволы, отдалённо напоминающие земные пальмы, уходили на немыслимую высоту, где заканчивались метёлками перистых листьев. Между ними густо росли папоротниковидные, то ли деревья, то ли кусты, высотой примерно вдвое ниже «пальмочек». Оплетая те и другие, по ним лезли, свиваясь в узлы и петли, местные лианы с кожисто-глянцевыми листьями размером с капустный. Землю покрывали приземистые кустики, усаженные колючками, даже с виду грозившими большими неприятностями. И всё это вместе сливалось в плотную массу, через которую нужно было, в буквальном смысле слова, пробиваться.

– Интересно, как нам через это безобразие пролезть?— озадачился Макс, с почтением разглядывая глянцево блестящую колючку.

– Да, такого «ёжика» голой задницей не напугаешь, — сделал вывод Лёха и, достав свой нож рубанул по нахально торчавшим шипам.

Того, что произошло, не ожидал никто. Едва нож коснулся колючки, она мгновенно сложилась, плотно прижавшись к материнской ветке и все остальные, что до того так угрожающе шиперились, убрались следом за первой. Худо-бедно, но теперь у них появилась возможность пробраться через эти заросли.

– Жаль, моего соседа Вилли тут нет, вот бы кто от восторга вопил, — опечалился Марк. — Растения – это была его стихия.

– Он, видать, поумнее тебя был, — не удержался Гюнтер. — Раз вовремя свалить догадался.

– Нет. Его пьяный ниггер бутылкой ударил в висок, — он неожиданно вздохнул. — Я тогда первый раз в жизни с удовольствием смотрел, как наши его за Вилли насмерть запинали.

Трёп, конечно дело хорошее, но и приказ никто не отменял, и они углубились во влажные буро-зелёные сумерки. Ноги утопали в сплошной подушке мхов и прелой листвы, приходилось остерегаться то и дело попадавших змей непривычного ярко-оранжевого цвета. Насколько эти твари ядовиты, они убедились почти сразу. Когда спугнутый ими зверь, до жути напоминавший кабана, но имевший, кроме клыков, ещё и костяные шипы на загривке и хребте, выскочил из кустов и нарвался на такой вот «апельсин». Молниеносный бросок, и зверь рухнул, пропахав по инерции борозду во мху, и уткнулся мордой в ствол гигантской пальмы. Змея, сделав своё дело, спокойно свернулась рядом, не собираясь никуда уползть.

Марк, забыв обо всём на свете, срубил ветку куста и осторожно обследовал погибшее животное.

– Феноменально! Вы только посмотрите, мышцы стали совершенно мягкими и продолжают размягчаться. Это что-то сродни паучьего яда, растворяющего плоть в жидкую субстанцию. По аналогии, змея просто высосет содержимое из шкуры.

– Ничего себе! Они же и нас так могут «высосать», – сделал выводы Макс и стал с удвоенной осторожностью смотреть под ноги.

Следующая встреча с представителем животного мира не заставила себя долго ждать. Они не успели и десяти метров пройти, когда на них, сминая кусты, попёрло нечто, похожее на бегемота, затянутого в пластинчатую броню. Вот только в распахнутой пасти его торчал ряд внушительных клыков, бегемоту не свойственных. И вместо коротких тумбообразных ног у этого были лапы с крепкими когтями и длинный голый хвост. Автоматически выхватив оружие, идущие первыми дали по нему залп.

Бронированная тварь споткнулась и, взревев, завалилась на бок. Мечущийся в агонии хвост едва не достал стоящего первым сержанта. Из-под когтей в стороны полетели ошмётки земли и порванных растений.

– Милая зверушка, – оценил Камински, и тут же рванул на истошные вопли чуть в стороне.

У подножия одного из папоротниковых деревьев, извивались и бились человеческие фигуры, покрытые, словно живой шкурой, непонятными насекомыми. Лица и открытые участки кожи безобразно раздулись. Приглядевшись, Макс понял, что это от проникнувших под кожу тварей, пожиравших людей живьём. В нос и раззявленные от крика рты живой массой вливались всё новые и новые полчища. Лицо сержанта перекосило от отвращения. Два импульса из «Штерна» прекратили мучения несчастных, огненные лучи выжгли остальную нечисть и само гнездо, оказавшееся в дупле ствола, под которым так неосторожно расположились перекурить солдаты. С момента нападения не прошло и пары минут.

Но и мёртвые тела продолжали корчиться на земле от проникших внутрь насекомых, вызывая у живых чувство омерзения. Вот один, а за ним ещё парочка, не выдержав, согнулись, и весь съеденный ими завтрак оказался на мху. Короткая команда и через минуту на месте трупов осталась только выжженная земля.

– Великое дело кремация, – процедил сквозь зубы Лёха.

– Ага. И неизвестность тоже возбуждает, — не остался в долгу Макс и ткнул в бок курившего рядом Гюнтера. – Давай по маленькой опрокинем за упокой.

Тот кивнул и они по очереди приложились к фляжке, которую извлёк из кармана Макс. Они стояли, боясь присесть или прикоснуться к чему-нибудь, и наблюдали, как Старки, связавшись с космолётом, докладывает о случившемся.

– Да, сэр!

– Слишком агрессивная внешняя среда, сэр!

Прилетевший, через пару часов, вертолёт принял всех на борт, и они уже с воздуха занялись поиском подходящего места для развёртывания лаборатории. После столь неудачного знакомства с местной живностью шастать по этим джунглям на своих двоих никому из команды упорно не хотелось. Особенно, когда один из пилотов проболтался, что вторая команда разведчиков напоролась на милые растения, вызывавшие полный паралич, трое пострадавших пополнили корабельный лазарет, а ещё двоих, ужаленных гигантскими шершнями, спасти так и не смогли.

Наконец, под брюхом вертолёта раскинулось открытое пространство. Совсем другое дело, тут нападающих будет, по крайней мере, видно. Место вполне подходящее, и река с мутно-коричневой водой совсем рядом. Сообщив координаты, они приземлились на речной косе и, не выходя из салона, перекусили и попадали спать.

Разбудил их только лопочущий гул работающих винтов. Тяжело нагруженные вертолёты, один за другим, опускались неподалёку, выгружая людей и технику. Освободившись, они вновь

устремлялись в небо и ложились на обратный курс. Ревя моторами, тронулись с места тягачи и бронетранспортёры, поползли в направлении леса. Взмыленные морпехи принимали грузы, безостановочно доставляемые по воздуху.

Когда прибыла ещё одна партия людей, пошла сборка корпусов из строительных блоков. Прямо на их глазах вырастали стены зданий, возводились крыши, и к закату солнца длинные корпуса новых казарм образовали замкнутый квадрат с лабораторией в центре.

...Наутро начались «большие гонки» по перетаскиванию оборудования в лабораторию.

— Что они такое набили в эти ящики? — Макс, пыхтя, пятился между высоких стеллажей.
— Консервированные трепанги там, что ли?

— Почему трепанги? — удивился Марк, который, тяжело дыша, нёс другой конец ящика.
— И почему именно консервированные?

— Я как-то грузчиком работал в магазине, — Максим, резко выдохнув, поднял ношу на грудь и задвинул её наверх. — Намучились мы тогда именно с этими трепангами.

— Вручную грузили? — поразился энтомолог. — У вас что там что, каменный век?

— Да, ну! — отмахнулся Макс, — Просто хозяин был жлоб, экономил на всём. Ну, как здесь. Тоже вручную таскаем, и тоже всякую ерунду.

Он достал из кармана куртки сигареты и закурил. Марк, поморщившись, сделал шаг назад.

— Вы, что, не понимаете, как вреден никотин?

— Жить, вообще, вредно, от этого умирают.

Марк покосился на него. Станный народ эти русские. Он сам никогда не жил в России. Но его далёкие предки приехали именно оттуда. Потому, в семье Нобфлеров к России было традиционно тёплое отношение. Но понять этих людей он не мог никогда. Они его, одновременно, восхищали и раздражали. В них всего было слишком — и безмерная отвага и спиртное совершенно дикими дозами.

Как-то раз, копаясь в архивах, он нашёл журнал издания XX века. В одной из статей рассказывалось про опрос американцев на тему «Правда и мифы о России». Результаты опроса насмешили его так, что он долго давился от хохота, зажимая рот — шуметь в библиотеке не полагалось. В то, что в России медведи ходят по улицам, верило около семидесяти процентов населения, а в то, что русские пьют одеколон — не больше двадцати. Марк знал, конечно, об истинном положении вещей, всё-таки, его родители несколько раз ездили на родину предков, но наивность американцев вполне объяснима.

Когда-то, когда Марк ещё учился в лицее, его увлекла тема Гипербореи. И, чем больше он изучал первоисточники, тем больше убеждался, что достоверной информации об этой легендарной стране нет — одни слухи. Причём, слухи, как и о русских, сплошь противоречивые. Поневоле поверишь, что арии — их далёкие предки.

— Ладно, — аккуратно потушив сигарету, вздохнул Макс. — Пошли дальше твоих трепангов таскать.

— Они не мои, — раздражённо буркнул Марк. — Я же энтомолог, а не ихтиолог.

— А в чём разница? — простодушно уставился на него русский.

Учёный страдальчески взвёл очи горе. О, боже, ну, как можно не знать таких простых вещей?

— Я энтомолог, я занимаюсь насекомыми, — терпеливо пояснил он. — Трепанги в море живут!

— Я, что, совсем, что ли? — обиделся Макс. — Они же морепродукты! Это каждый дурак знает. Морские насекомые!

— Они головоногие! — терпение без пяти минут академика стало опасно потрескивать, грозя вот-вот лопнуть. — А я энтомолог! Я занимаюсь только насекомыми!

— Значит, в ящиках, по-твоему, насекомые? — недоверчиво хмыкнул русский.

– Там биологический материал, — забыв про все подписки, брякнул Марк. — Личинки инсектоидов.

– Марк, ты сам-то понял, что сказал?

Его ухмылка окончательно вывела энтомолога из себя.

– Инсект — это насекомое. Здесь личинки генно-модифицированных богомолов. Представь богомола с тебя ростом, но с челюстями, как у термита-солдата! Ничего зверушка, а?

Сохраняя маску полного простодушия, майор Красников сделал вид, что представляет, но только пожал плечами.

– Только, смотри, никому об этом, — спохватился Марк, вспомнив, наконец, данную им кучу подписок о неразглашении.

– Могила, — заверил его Макс, сохраняя самое серьёзное выражение лица.

То, что он хотел узнать, он узнал. Теперь можно было спокойно таскать ящики. Значит, инсектоиды, говорите... Вот уроды! Он представил себе гигантского инсектоида со жвалами термита и «пилами» богомола, и ему стало не по себе. Такую зверушку остановить — это надо очень постараться. Теперь осталось узнать, с помощью чего они этими тварями «рулить» собираются. В дрессировку упорно не верилось. Ну, это уже, как говорится, дело техники.

...Ночью они дважды вскакивали по сигналу тревоги. Первый раз на территорию пытались проникнуть длинномордые твари, трусившие неровной цепочкой от джунглей. Их булькающий вой предупредил караул и, при свете вспыхнувших прожекторов, морпехи успели их рассмотреть во всём их уродстве. Под короткой шерстью перекатывались мощные, как шатуны машины, мышцы, а стремительные движения сухих поджарых тел не оставляло сомнений, что это именно хищники, а для особо тупых убедительным аргументом служили саблевидные клыки.

На что они способны, было продемонстрировано, когда одна из особей попыталась достать караульного на наружной вышке наблюдения.словно разжатая пружина, взвилось вверх тело хищника, оставив на досках настила две глубокие борозды от клыков. Даже отсюда Макс мог разглядеть белое лицо солдата, шарахнувшегося на середину площадки и замершего там в столбняке. Повторить попытку помешали ударившие «штерны». Предсмертный визг нескольких попавших под импульсы сородичей отогнал стаю подальше, но они настырно продолжали кружить вокруг.

– Умненькие. Смотри, как дистанцию держат, — дал оценку Марк. — Моментально нужную для выживания информацию переварили. Они ещё поопаснее тех бегемотов будут.

– Эти шустрики, похоже, родственники нашим гиенам, только намного крупнее — я их на диске «National Geographic» видел. Только у здешних морды узкие и длинные, — сказал куривший в кулак морпех из соседней казармы.

– Многие здешние твари, как я заметил, имеют защитные панцири. Эти саблевидные клыки, скорее всего, приспособлены для добывания мяса из-под этой брони, — задумчиво сказал Марк.

Усилив караулы, дали «отбой тревоги», и морпехи рассыпались по казармам досыпать. Теперь в затянутые москитной сеткой окна то и дело врвался свет от прожекторов, методично испарывавших чернильную темноту по периметру лагеря. Очередной сигнал тревоги сбросил солдат с постелей уже на рассвете. Выскочив, они словно нырнули в белую муть густого тумана, видимость не превышала расстояния вытянутой руки, а дальше ни черта не видно. Зато хорошо было слышно рёв, от которого, казалось, вибрировал череп.

Такая глотка могла принадлежать только огромному хищнику, подрагивающая под ногами почва свидетельствовала о том же.

– Отец Йегова, спаси и сохрани рабов твоих! — словно замороженный, Марк, вытаращив глаза, смотрел на видневшуюся в тумане тёмную массу неясных очертаний, нависшую над крышей казармы. — Этого не может быть!

– Отставить бормотание, Марк! – команда сержанта моментально вывела его из ступора. – Что за зверь?

– Ти-рекс сэр! Динозавр, сэр! Самый крупный и опасный хищник, которые были на земле. Пока не вымерли.

А плывущая сквозь туман тень, сотрясая почву шагами, добралась до вышки. Вопль непереносимой боли и ужаса перекрыл визгливый рёв монстра. Они, словно зрители в театре теней, видели заглатывающую человеческое тело огромную голову твари. Часовой то ли не выстрелил, то ли импульс не произвёл на хищника особого впечатления.

– Оружие к бою! Бейте в голову, мальчики! Огонь!

– Придётся нам и здесь этому вымиранию поспособствовать, – оскалил зубы Лёха, утапливая спусковую клавишу. – Поупражняемся, пока «Гринпис» в отсутствии.

Знавший его, как облупленного, Макс видел, что напарнику явно не по себе. А если совсем честно, то и у него самого внутри, при виде этого чудища, зашевелился первобытный ужас. Видимо, это заложено в каждом человеке на генном уровне, с тех времён, когда для их предков такие встречи были не редки.

Залп в три десятка стволов заставил тираннозавра, покачнувшись, с рёвом отдёргнуть голову. Но, несмотря на это, воплощённый кошмар шагнул вперёд. Затрещало ограждение. В конечном итоге, общими усилиями, этого ти-рекса они «прожарили» до полной готовности, и от рухнувшей туши дрогнула под ногами земля. Налетевший с реки ветерок снёс туман, и они могли оглядеть поле боя. На все четырёх наблюдательных вышках часовые отсутствовали, а сами они были основательно повреждены.

– Господин сержант! – подскочил к Камински санитар, – Двое солдат умерли, предположительно острая сердечная недостаточность, ещё у одного «крыша съехала». Требуется отправка в госпитальный отсек на корабле.

– Отправляй. Помидорчики, выходит, с перепугу до смерти обосрались, – скривился сержант. – Трупы сжечь! Хоронить нет смысла, всё равно, какая-нибудь тварь раскопает и сожрёт.

Досыпать было недосуг. Предутреннее бдение многим показало, что здесь не расслабишься, и позиции надо укреплять от таких вот непрошенных визитёров. А посему, наскоро позавтракав, весь личный состав был выгнан для натяжки вокруг базы ограждения из высоковольтного провода.

После обеда, когда влажная жара стала непереносимой, дали час для отдыха, и взмыленные солдаты разбрелись в тень. Многие попадали спать, добирая упущенное за ночь. Иные, убравшись с солнечного пекла в казармы, развлекались в меру своих возможностей, достав карты или кости. Кое-кто решил освежиться на речке, несмотря на попытки Марка и санитаря остановить их.

– Это опасно! Не стоит соваться в реку, пока она не проверена!

– Вот, мы её сейчас и проверим, – отмахнулся рыжий крепыш, поигрывая цепочкой с солдатским медальоном.

Под одобрителный хохот приятелей они подались к берегу и, скинув на вездесущий мох «комки», рванули по песочку в воду. А санитар с Марком побежали к сержанту. Тот, не раздумывая, запрыгнул в джип и, прихватив их с собой, погнал машину к реке, в которой радостно бултыхались купальщики.

– Всем на берег! К казармам бегом! – рявкнул Камински.

Солдаты, пулей выскочив на сушу, подхватили форму и побежали, исподтишка грозя кулаками «сдавшему» их Марку. Но привести угрозу в исполнение не получилось. Не пробежав и половины расстояния, один дико завопил и закрутился на месте. По его ногам, из-под трусов, потекли алые струйки крови. Сделав несколько шагов, он упал, сотрясаемый конвульсиями. Выскочивший санитар с Марком содрали с него мокрые от крови трусы. В анальном отверстии

мерзко шевелилась какая-то тварь. Санитар, натянув резиновые перчатки, уцепил её и потянул. Новый вопль резанул уши, но тварь, всё-таки, отцепилась, и её удалось вытащить.

Пока останавливали кровотечение, Марк с сержантом разглядывали извивающуюся дрянь. Толщиной с авторучку и сантиметров пятнадцати длиной, с одного конца она имела крючки-зацепы, обрамлявшие отверстие. Сунув в него спичку, они убедились в наличии там острейших режущих пластин.

– Что скажешь?

– Я в этом не специалист, но думаю, что проникнув в организм и закрепившись, пластины выдвигаются наружу и действуют как фреза.

Уложив пострадавшего в джип, они добрались до казарм. Остальных купальщиков, тех, что пробежались босыми ногами по песочку, к вечеру пришлось оперировать, удаляя проникших под кожу местных паразитов.

... Через восемь дней, потеряв около трёх десятков солдат и, забив корабельный лазарет ранеными, они покинули планету, прозванную ими Зелёным Адом. Агрессивность её флоры и фауны была признана аналитиками чрезмерной. Тем более, что в этой же планетной системе разведчиками была обнаружена пара планет с идеальными для проживания природными параметрами. Правда, на обоих имелись цивилизации, но кого теперь волновали такие мелочи?

Глава 6. Дива с сюрпризами

Зайдя в столовую, Нарад застал там всю дружину в полном составе. По правую руку от Ипполита восседал его помощник, сидящий напротив Битон угрюмо поглядывал на своего соперника. Нарад без раздумий плюхнулся рядом с охранником и кинул в рот горстку подсолённых сухариков. Стряпуха непременно выставляла их на стол в большой мисе.

– Ну, что, лоцман? – встретил его вопросом Бастак. – Как наша «дорожка» поживает?

– А чего ей сделается? – вопросом на вопрос ответил Нарад, пронимая чашку с горячим душистым напитком из рук Гиперохи.

– Так, вот, я и говорю, – продолжил скит речь, прерванную появлением лоцмана. – Арии в своей гордыне последний ум растеряли. Давно следует с гиперборейцами помириться, а они, вишь, гонор свой превыше всего держат. А случись, не приведи Табити[6], свара, чем арии будут защищаться?

Государство ариев носило название Туле. Нарад помнил, что в незапамятные времена часть ариев, не желавшая принимать веками освящённые правила, были изгнаны за Заповедные Земли, где организовали собственное государство и дали ему имя Гиперборея. Так, согласно легендам, все народы мира звали тот Туле, которая была до Исхода. Нарад никогда особо не вникал, что именно тогда не поделили арии с теми ариями, которые стали звать себя гиперборейцами. Законы и обычаи Туле священны и незыблемы, это он впитал с молоком матери. Тем более, что никакой неприязни по отношению к гиперборейцам в обществе не культивировалось. Отношение было скорее с оттенком лёгкой жалости, как к неразумным детям.

Те, в свою очередь, по отношению к бывшей родине никогда агрессии не высказывали. Поддерживали вежливые такие, ни к чему особо не обязывающие отношения. Вели обмен и торговлю, обменивались грамотками. Но и только.

– Чем вам опять арии не угодили? – усмехнулся он, пользуясь случаем «куснуть» заносчивого помощника. – Арии, значит, дураки, что заветам Мудрых следуют, а гиперборейцы молодцы, что на них плюют?

И оглянулся на остальных, рассчитывая на поддержку. Но Ипполит с Битоном только усмехнулись, словно отрок сморозил какую-то глупость. Даже Гипероха, до смерти не любившая споров, отвела глаза.

– Не всё так просто, Нарад, – мягко сказала она, как бы извиняясь перед отроком за то, что мир сложнее, чем его представления о нём.

– Мне? Да всем угодили, – оскалил белые зубы Бастак, довольный лёгкой растерянностью неожиданного оппонента. – Я тоже так думал сначала, а потом меня один умный человек вразумил. Хочешь, и я тебя уму-разуму научу?

Он смотрел с явной подначкой. Первым побуждением отрока было послать его к навьям, но он сообразил, что хитрый скит только этого и ждёт.

– Отчего нет? – с деланным равнодушием отозвался он. – Знание плечи не тянет, научи, сделай милость.

– Ты никогда не задумывался, почему мы летаем на тех же виманах и гарунах, что нам оставили Мудрые? Почему, кроме порубежников, никому не разрешено пользоваться оружием? Меня ни один космопорт не примет, если печать на пульте нарушена будет. Если даже вопрос жизни и смерти, я кучу грамот испишу, пока отмоюсь.

– А зачем нам оружие, если нам не с кем воевать? – пожал плечами Нарад. – И, потом, всех нас учат обращаться с оружием.

Бастак захохотал, откинув голову назад.

– Лоцман, чему можно научить человеку за одну седмицу? Да года через три он не вспомнит, за какой конец самострела нужно браться при стрельбе!

Нарад усмехнулся.

– Да кто ж на нас напасть посмеет? У нас наука выше всех!

– Выше кого?

Простой вопрос застал лоцмана врасплох. А, действительно, выше кого? Гипербореев? Да нет, уровень развития у них тот же. Даже, говорят, ещё что-то своё изобретают. Надо же, стоит по-новому задуматься над тем, что известно каждому, как оказываешься в тупике. Он даже разозлился.

– Ты что, хочешь сказать, что гипербореев войну с нами хотят начать?!

– Да при чём тут они? – слегка удивился Бастак. – Ты знаешь, что космос обитаем? Да здесь кого только нет!

– Ага, кругом враги, – иронически усмехнулся Нарад. – Был у нас в истории какой-то чудак. До сих пор про него побасёнки ходят.

Побаски на Арктиде ходили про кормчего Боруса, который требовал создания специальных дружин для отражения инопланетного вторжения. Кончилось это тем, что Ведающие Лекари отстранили его от космических полётов.

– Молодой, – снисходительно улыбнулся Бастак и, легко поднявшись, вышел из столовой. ...– Привет!

Нарад ближе к решётке подтянул бак и, пока пленник чавкал мясом, впервые смог рассмотреть его спокойно. Чего греха таить, прежде мешал спящий в подсознании древний ужас далёких предков. Да и сам аспид, метавшийся по клетке в полутёмном помещении, был неудобным объектом для исследования. А ведь он был по-своему красив, какой-то своей, необычной дикой красотой. Мощные чешуйчатые пластины мельчали к брюху и, словно причудливая кольчуга, покрывали мощное тело. Складываясь в затейливый рисунок, они матово поблескивали в полутёмной клетке.

От головы к хребту спускался зубчатый костяной гребень, но он был сложен и, плотно прилегая к пластинам, смотрелся, как неровный нарост, несколько не мешая движению гибкой шеи. Возле лопаток выделялась ещё пара бугров непонятого назначения, мускулистые лапы с внушительными когтями и длинный хвост довершали облик.

При всей своей громадности, однако, змей не вызывал ощущения неподъёмного тихохода. Скорее, наоборот, движения были легки и грациозны. Нарад невольно вспомнил упругость и лёгкость, пришедшие к нему во время утреннего контакта с аспидом, когда он словно бы влез в его тело.

– Поел? Ну и на здоровье!

Он привычно перевернул опустевший бак и уселся прямо возле прутьев решётки, совершенно забыв о своём прежнем страхе. Змей, приблизив морду, осторожно тронул его руку своими острыми зубами, словно давая понять миролюбивость своих намерений. По руке скользнул раздвоенный язык, оказавшийся на ощупь удивительно похожим на собачий. Прикосновения отвращения не вызывали, просто было немного щекотно. Спустя секунду такому же обследованию подверглось и лицо. Дыхнув горячим воздухом, аспид положил голову на лапы и, глядя из-под прищуренных век, словно ждал чего-то.

– Что, брат змей, тоскливо? Я ведь тоже здесь пленник. Вся разница, что тебя взяли с боем, а меня бесчувственного приволокли. Тебя здесь держат, а у меня клетка побольше и наверху.

Змей внимал ему, не мигая. Только при упоминании о плене когти скрежетнули по металлу, да нервно дёрнулся хвост.

– Я им направление рассчитал, но совсем на другую планету. Сглотнули, не жуя. Их там две одинаковых. Вот и подсунил им вместо обжитой совершенно не обследованную. Разведчики, когда её открыли, только и указали в описании, что по флоре и фауне она подобна нашей.

Но её разработкой никто пока не занимался. Когда тати обман обнаружат, они мне головёнку обязательно свернут. Если, конечно, вовремя не удрать. Может, ты что посоветуешь?

Глаз дракона прикрыла кожистая плёнка. Нарад подумал, что змей попросту уснул, и вздохнул. Эх, нашёл, с кем советоваться, дурень. Сплюнув, он стал подниматься, но острый коготь аспида моментально прищемил его одежду к решётке, не давая отойти. Оба глаза, уже открытые, пристально уставились парню в лицо, и сознание словно поплыло. Сколько длилась их связь, Нарад не понял, но отлично уловил, что ему следует сделать, и это ему очень понравилось. От избытка накатившего азарта и в благодарность за подсказку он сунул руку меж прутьев и почесал змею небольшое углубление на голове. Как раз там, где начинался гребень, и лапа никак достать не могла.

И чуть не плюхнулся от удивления на свой бак. Из распахнувшейся пасти, полной острейших клыков, неожиданно вырвался мелодичный звук. Он плыл, поражая чистотой звучания, переливался и звенел, как вода лесного родника. Это было нечто невероятное и неподражаемое. Рука невольно опустилась, и звук словно растаял. Наверху послышался топот и по лестнице ссыпался запыхавшийся Битон.

– Это аспид? Невероятно! Мой дед сказывал, что услышать его пение считается величайшей удачей! Но как...?

– Откуда мне знать, что на него нашло. Возьми да сам у него поинтересуйся.

...«Аспид» делал положенный для каждого судна виток над планетой, плотно закрытой облаками. Шёл выбор подходящей площадки и подготовка к посадке. К удивлению Нарادا, кормчий Ипполит совершенно не обратил внимания на высвеченные дисплеем незнакомые очертания материков и океана, словно так и должно было быть. Помощник, при всей его подзрительности и дотошности, тоже ни слова не сказал, совершенно не обращая внимания на присутствие лоцмана.

Тут, видимо, сработал аспид. С его подачи же Битон, в чьих руках находился ключ от клетки, при очередной уборке забыл его в замке. Пока, вроде, всё шло по накатанной, Нарад, просунув в приоткрытую дверь клетки шланг, смыл струёй воды нечистоты и, закончив работу, стал его сворачивать. Охранник, привычно нацепив замок, задумчиво почесал голову и, кивнув отроку, подался наверх, так и не замкнув аспида. Подмигнув сообщнику, Нарад тихонько снял замок с петель, положил его на пол и подался следом, тактично умолчав о сделанном упущении.

Посадка была мягкой, но в смотровые оконца ничего разглядеть было невозможно. Густой туман, словно толстым одеялом, укутывал всё вокруг. Космолёт мелодичным голосом доложила, что на пару вёрст вокруг все чисто, и жизни экипажа ничего не угрожает. Дисплей высвечивал только густую растительность в виде леса вокруг.

– По-моему, нас-таки хорошо кувыркнуло, это не Тартар, – пробурчал Ипполит, глянув на своего помощника. – Как ты только умудрился прохлопать это дело?

– Сам не ведаю, как мог обмишкулиться, – Вид у Бастака был растерянным. – Видать, морок нашёл. Что делать будем?

– Пока только разведаем, куда нас нечистая занесла, а дальше будем посмотреть.

Вглядываясь в открывшийся перед ним неведомый мир, Нарад грустно размышлял. Ну, не дал он татам ходу в нужное им место, а дальше-то что? Ему бы извернуться да обратно домой попасть, а так получается ни рыба, ни мясо. По лёгкому покалыванию в висках он сообразил, что таким способом его зовёт к себе змей. Оторвавшись от невесёлых дум, подался вниз, где от нетерпения шипел аспид.

– Готовьтесь на выход! Ты, отрок, тоже с нами пойдёшь, – Ипполит был настроен решительно.

И вот, они стоят в лёгких космических латах перед герметичной дверью. У каждого в руках самострел, на поясах примкнуты ножны, автоматическая аптечка и контейнер с НЗ.

Обычный набор для выхода на неагрессивную планету. С неприятным чмоканьем дверь, наконец, открылась. Уши наполнил шорох листвы и тихое бормотание воды, бегущей где-то поблизости. Ко всему этому примешивались какие-то неясные звуки здешнего бытия.

Держа оружие наготове, они спустились по трапу на изрядно выжженную при посадке землю. Головным шёл Бастак, его несуетливо-плавные движения и звериная настороженность хищника, готового в любой момент вступить в схватку, выдавали немалый опыт в такого рода делах. Одно неуловимое глазу перемещение, и фигура его словно растаяла в белой мути, через пару минут возникнув вновь. И один только отрок заметил, как позади неслышной тенью скользнул по трапу аспид и словно растворился в тумане.

– Возвращаемся! В такой каше нас нечистая невесть куда уведёт, – распорядился кормчий после отчёта помощника. – Подождём, когда эта белая дрянь рассосётся.

Взойдя на виману, они увидели мчавшегося им навстречу Битона.

– Аспид сбежал! Я всю виману проверил, его нигде нет!

– Тьфу! Этого нам только не хватало! Теперь ещё и без товара остались, а на него заказ был, – Ипполит злобно сплюнул себе под ноги. – Вылавливай его теперь.

За обедом все угрюмо помалкивали. Не чувствуя вкуса, глотали похлёбку, в молчании пили поданный стряпухой мёд. Первым не выдержал помощник и, уставившись злыми глазами на Битона, зловеще спросил:

– Ну, рассказывай, дурак здоровый. Как зверюгу упустить сподобился? Ключ только у тебя был. Или здесь отирался, по обыкновению?

Последовавшие затем объяснения, взаимные обвинения и разборки словно взорвали маленький мирок татей. Не стерпела напраслины и острая на язычок стряпуха, подлившая масла в огонь. Ругались, пока Кормчий не стукнул кулаком об стол и не прекратил прения. Нарад помалкивал и не вмешивался – его дело маленькое.

...Следующее утро встретило людей безоблачным небом, которое, в отличие от привычной синевы, отливало сиреневой гаммой. Последние белесые клочки утягивали свои щупальца под густую крону листвы, и оседали мелкими росами на схожей с папоротником траве. Успокоенная после их вчерашней посадки живность повылезала из своих потаёнок и занялась привычной жизнью. В тёплом воздухе порхали, сверкая яркими цветами, разнообразные бабочки, под ногами жужжали, шелестели и ползали насекомые самых причудливых видов – непреходящая мечта любого коллекционера. В густой листве, среди обвивающих стволы лиан, возились и щебетали незнакомыми голосами птицы.

Отодвигая свисавшие ветви, они вот уже час, как шагали по зеленовато-золотистым зарослям здешнего леса в поисках сбежавшего аспида. А он был совсем рядом, неслышной тенью скользя меж ветвей обок отряда. Нарад чувствовал его присутствие по лёгкому покалыванию в висках, но смог только мысленно предупредить змея, что на сей раз, если не получится накинуть парализующую сеть, его решили просто пристрелить. Шкура и кости змея на чёрном рынке тоже стоили немалых тысяч кун и спрос на них превышал предложение. Слишком уж редким был товар.

...Остановившись на небольшой прогалине, расположились привалом, споро раздули крошечный костерок из сухих веток, в изобилии валявшихся под ногами. На доброе кострище тратиться не стоило из-за короткого времени на отдых. Но всякий путник знает, что дорожную сухую пищу лучше запивать горячим мёдом, чем холодной водой. Потому у их ног плясали язычки пламени, не дававшие дыма и почти прозрачные в свете дня. Перекусив и прикрыв прогоревшие уголья влажной дерниной, они отдыхали. Прислонившись к шершавому и довольно охватистому стволу, Нарад даже придремал, когда в висках запульсировало тревожным набатом. Словно в дымке тумана, перед сознанием мелькнули крадущиеся меж стволов фигуры вооружённых чем-то людей. А впереди них, ловя ноздрями воздух и почти стелясь по земле, рвалась на поводке животины, весьма напоминавшая внешним видом пса или волка.

Это аспид по-своему, предупреждал его о грозящей опасности! И, ещё не полностью проснувшись, Нарад вцепился в руку дремавшего рядом Бастака и, на недоумённый взгляд распахнувшихся глаз, подал условный жест сигнала тревоги. Толчок ноги, и откатившийся кормчий уже распластался за изогнутым стволом, держа в руке готовое к стрельбе оружие. Под рукой помощника, в довесок к самострелу, лежала и парализующая сеть. А у лоцмана из оружия только тесак, верёвка и коротенькое копьё с широким наконечником – весьма небогатый набор для таких встреч.

Правда, разрешив ему взять копьёцо, никто из татей и помыслить не мог, что, по части попадания копья в цель Нарад был один из сильнейших мастеров. Его дед был прославленным метателем, и внука своего с малых лет гонял в обучении без всяких поблажек. Отец, глядя на это, только одобрительно посмеивался. Парень понимал, что в первую очередь, им нужно избавиться от ведущего по запаху пса. Не зря аспид выделил его вспышкой алого цвета, теперь Нараду предстояло остановить его бег навечно. Ни жалости, ни колебаний в его душе при этом не возникло.

Он всё-таки успел сообразить, что змей почуял в крадущихся людях нечто более опасное, чем в шедших на его поимку татях. И, потому, предупреждал через него остальных своих преследователей о грозящей им серьёзной опасности, отринув на время личную вражду. Дрогнувшая ветвь и еле хрустнувшая веточка под неосторожно ступившей ногой выдали присутствие чужаков. Никого не углядев на прогалине, незнакомцы выскочили на открытое пространство, влекомые повизгивавшей от нетерпения животинной, и попались.

Троих накрыла сеть и они, конвульсивно дёрнувшись, неподвижно распластались на траве. Двоих сняли из самострелов и, выхватив тесаки, сцепились с тремя уцелевшими пришельцами. Супостаты, отпрыгнув назад, как по команде, выхватили из-за спины странного вида самострелы. С шипением из них вырвались два алых луча. Один из них впился прямо в грудь Кормчего, на волосок не доставшего врага в прыжке.

Но Бастака было не так-то просто уложить. Кувырком уйдя под смертельный луч, он оказался между двумя противниками. Прыгнув к ближайшему, он полоснул его по горлу. Повернув его вокруг себя, второй луч принял на мёртвое тело, вздрогнувшее последний раз, и, толкнув его на его товарища, прыгнул следом. Пошатнувшись, агрессор только поднимал своё страшное оружие, когда левая рука скита пригнула его к земле. Шипящая смерть поразила траву, а нож Бастака вонзился в шею врага по самый черен.

На Арктиде, с незапамятных времён, существовал категорический императив – запрет на любые технологии, связанные с оружием. Меч, копьё, самострел и нож почти полностью исчерпывали список личного оружия. Не желая повторять ошибок прошлого, Мудрые наложили этот запрет раз и навсегда. Что-то, впрочем, было у порубежников. Так, на всякий случай. Но никто не помнил, чтобы с этого оружия хоть раз снимались печати. Гиперборейцы, как утверждали слухи, тоже что-то такое ставили на свои гаруны. Но что именно, тоже никто толком не знал.

Вот Битону отчаянно не повезло. Броском ножа он сразу уложил нападавшего, но тот, падая, нашёл всё-таки силы поднять своё диковинное оружие. Ударил алый луч и охранник, чуть опоздав, свалился замертво рядом с врагом. Последний раз шевельнулись губы, и стекленеющие глаза уставились в чужое сиреневое небо.

Тем временем, Нарад, с одного броска уложивший ищейку, оказался чуть в стороне от общей схватки, где на него и надел хозяин диковинного пса. Видя перед собой не битого боями мужа, а молодого парнишку, убившего его любимца, решил взять живём. Но малец оказался шустрим.

Ускользя от ударов и захватов, Нарад всё дальше отступал за стволы деревьев. И тут из-за густого кустарника беззвучно возник аспид. В другое время он бы им просто залюбовался. Развёрнутый зубчатый гребень угрожающе поднят, узоры на шкуре, сменившие бурый

цвет на золотисто-алый, словно ожившие струи, перетекали один в другой. Из разверзшейся пасти ударила струя огня, и его супротивник, дико заорав, живым факелом покатился по траве, застыв догорающей головёшкой.

Изрядно побледневший Нарад, морщась от вони горелого мяса, подошёл к змею и благодарно хлопнул по костяной пластине. В ответ был немедленно схвачен за ногу и подброшен в воздух. Упасть ему аспид не позволил, подхватив и, ловко поймав, аккуратно поставил на ноги. Раздвоенный язык щекотнул ухо и голова змея уютно пристроилась на плече. В тот же миг в голове вспыхнули и поплыли живые картинки – змей спешил поделиться с ним полученной информацией.

Подобрав оружие бывшего владельца зверя, он вернулся на прогалину, где Бастак уже собрал оружие убитых, и теперь стаскивал сеть с обездвиженных пленников. К слову сказать, при сшибке уцелел только один из них и теперь, приходя в себя, слабо ворочался. Парочке его приятелей досталось от своих же. Оба выпущенные по кормчему заряду нашли себе цели – свалив Ипполита и попав в лежащих под сетью. Один был убит наповал, второй тяжело ранен, третий уцелел и теперь пытался дотянуться до отлетевшего оружия. Скит тут же милосердно помог ему и его товарищу оставить этот бранный мир.

Заметив выходящего из-за деревьев Нарада, помощник окинул одобрительным взглядом его трофеи и угрюмо воззрился на отрока.

– И кто, по-твоему, эти стрелки? – он указал на необычное оружие и одежду покойников. – Я многое повидал за свою жизнь, но такого ни на одной из наших планет и в помине нет. Чужаки это.

И впрямь, зеленоватая тканьина с пятнистыми разводами выглядела весьма чужеродной. Нарад машинально отметил, как хорошо она сливалась с окружающей растительностью, делая человека в ней почти невидимым. Многочисленные карманы, нашитые даже на штаны и рукава, были набиты всевозможными предметами, столь необходимыми в дороге: от тонкого шнура до прессованных плиток незнакомой еды. Да и походные мешки у них в отличку.

– Ты всё ещё думаешь, что ариям воевать не с кем?

– Теперь не думаю, – коротко отозвался Нарад. – Спорить не время, надо порубежников предупредить.

Они перенесли кормчего и Битона под сень дерева, где отдыхали до нападения. Срезая в сторонке пласты дернины, обкладывали тела погибших, пока над ними не получился высокий холмик. Помолчали, отдавая дань памяти усопших и перебирая в уме всё хорошее, что знали. Но время работало против них, напоминая живым о делах насущных. Медлить точно не следовало.

– Чуть не забыл, – Бастак, обернулся к Нараду. – Как это ты их умудрился раньше нас почуять?

– А это и не я. Аспид упредил об опасности, – не стал юлить парень и, видя его озадаченное лицо, пояснил: – Он в них такую опасность почуял, что мы ему, вроде как даже своими стали. На виману скорее возвращаться надо, пока нас очередные стрелки (не зная, как их назвать, он автоматически назвал их так же) от неё не отрезали. А то аспид тут шипит, что они вообще из другого космоса к нам пришли. Чует он это как-то, что ли....

– Стоп, паря! Это как же он всё тебе разъяснить сумел? Или ты змеиный язык понимаешь? – прищурился скит.

– Да он напрямую, через мозг, живые картины показывает. Ничего необычного, если вдуматься. Вроде как на экране дисплея цветное изображение выводит.

– Зови своего аспида. Видать, не судьба ему проданным быть.

– Ага. А ты его за то сеточкой или из самострела попотчуешь, – не поверил отрок.

– Дурак. Сеточке той совсем кирдык пришёл, теперь не о кунах думать надо. Беда, она одна на всех одинаково навалится. Змей правильно рассудил, – разозлился Бастак. – Тут на кон вся наша планета поставлена.

И Нарад, впервые после их нелюбезного знакомства, поверил ему, да и его подзащитный, мысленно присутствовавший при разговоре, выдал нечто вроде тёплой волны удовольствия. Они, чуть не бегом, поспешили к вимане. Змей негласно сопровождал их до самого места.

Глава 7. Наперегонки со смертью

Подходя к вимане, они увидели, что их опередили. У не убранного трапа стояло несколько стрелков. На них была такая же форма, как на тех, с которыми они только что схватились.

Притаившись за кустами, Бастак с Нарадом наблюдали за действиями захватчиков. Один из пришлых, держа перед собою какой-то блестящий предмет, через переговорник общался с Гиперохой, запершейся в вимане. Судя по мягким, почти ласковым интонациям, он тщетно пытался убедить стряпуху, что ему вместе с подручными просто позарез нужно подняться на борт, а она не должна бояться открыть вход.

Детский лепет на лужайке, да и только. Он что, за блажную её принимает, или пытается какой морок навести своей штучкой? Это ж до чего оскудоумиться надо, чтобы ломиться в «святая святых» любого космолётчика. Кто же добровольно пустит на свой корабль вооружённого чужака? Ведь для очень многих из них вимана являлась единственным в жизни домом. Судя по недовольному виду чужака, мероприятие не очень-то удавалось. Остальные четверо расположились по периметру, насторожив оружие в разные стороны.

Один из них, весьма упитанный, с лоснящейся мордой, нагло расположился возле ступеней их трапа, контролируя выход. Стрелков было всего пятеро, но их позиция не давала ни малейшего шанса нападающим. Они расположились по периметру, насторожив оружие в разные стороны.

– Умело стоят, гады, – прошептал Бастак. – Вот так с ходу не прыгнешь. Порежут своими лучами. Что думаешь?

То, что бывалый воин советовался с ним, как с равным, польстило Нарад. Даже неприязнь к помощнику пропала куда-то. Но что предложить, он не знал. Бастак был прав. Враги полностью контролировали обстановку. В висках привычно закололо. Приняв от аспида информацию о том, что других стрелков вокруг нет, Нарад вдруг сообразил, как подобраться к чуткому врагу.

– Ты чего глаза вылупил? – раздражённо прошипел Бастак, не дождавшись ответа.

– погоди, – отмахнулся отрок, продолжая мысленный диалог со змеем.

Уточнив последние детали, он повернулся к скиту.

– Сейчас аспид их пуганёт. Из самострелов бьём наповал. Я – того, что у трапа. Ты – того, что рядом с ним, справа. И, пока не опомнились, ты левого, я правого, А с тем, что коробочкой шурудит, аспид сам разберётся.

Бастак, за пару секунд прокрутив в голове ситуацию, скупно кивнул и взвёл самострел. Отрок, в свою очередь, взял на прицел толстяка, торчащего у трапа виманы.

– Давай! – мысленно крикнул он аспиду.

И змей «дал». Сначала из-за деревьев, с другого конца поляны, раздался такой рёв, что Нарад невольно вздрогнул. А уж захватчики, так те просто подскочили на месте. Даже то обстоятельство, что двое из них опрокинулись навзничь, поражённые стрелами, до их сознания дошло не сразу. В ту же секунду ещё две стрелы нашли свои цели. Тот, что уговаривал стряпуху, выронил всё, что держал, схватился руками за голову и, закрутившись на месте, с болезненным воплем рухнул. Видать, этот получил удар именно по мозгам.

Подхватив оружие, Бастак и Нарад, что было духу, рванули к вимане. С другой стороны к ним устремился аспид, мимоходом рубанув хвостом оглушённого им врага.

Подхватывая с земли брошенное оружие, Нарад устремился по трапу. На их голоса двери виманы приветливо распахнулись, пропуская путешественников. В темпе скидали в тамбур добычу. Последним внутрь скользнул аспид и двери плавно схлопнулись, оставляя за бортом негостеприимную планету Диву. Аспид, явно с чувством морального удовлетворения, прилёг

возле перевернутого бака у порога столовой. Радостно выскочившая навстречу Гипероха, увидев рядом с ними змея, испуганно обмерла. Но, видя, что товарищи воспринимают аспида, как должное, она, всхлипывая, повисла на шее Бастака.

За пару минут до появления чужаков сработал сигнал тревоги и она, нажав тумблер, заблокировала вход. Только вот трап забыла убрать. Наблюдая в экранах все действия захватчиков, стряпуха успела себе вообразить, что всех её спутников уже убили, оставив её коротать свой век в полном одиночестве на чужой планете. И чуть не завопила от радости, увидев гибель настырных вражин.

– Ну, ну, успокойся, глупая, это ж наш аспид, – погладил её по голове Бастак. – Помог он нам маленько. Да успокойся ты!

– А где остальные? – спросила она с тревогой.

– Убиты, – коротко ответил скит. – Лоцман, не стой, раскрыв рот. Отсюда ноги надо уносить быстреей.

Положив оружие в угол, отрок бросился к пульту.

– А это-то зачем сюда приволокли? – С любопытством спросила Гипероха, уже оправившаяся от пережитого. – Нам только эдакой дряни тут и не хватало!

– Покажем, кому надо, пусть разбираются, – ответил вместо него Бастак.

– Тогда у входа ещё пошарить надо. У того, что со мной говорил, коробочка была. Он её на виману нашу как наставил – так меня прямо подмывало пойти и открыть ему вход, голова совсем очумелой стала. Только тем и удержалась, что наказ кормчего помнила: «Никому и ни под каким предлогом не открывать!».

– Чудно. Лоцман, покарауль с самострелом. Пойду, поищу.

Выскочив наружу, он сразу наткнулся на металлически поблескивавшую коробочку, оставшуюся лежать на выжженной почве, выпав из рук владельца. Сцапав её, Бастак без задержки нырнул в виману и, подняв трап, перевёл тумблер на полётную блокировку входа. Свою добычу он определил в сундук кормчего, и поднялся в рубку, где Нарад уже настраивал вычислитель для взлёта. Новый кормчий кивнул, давая «Добро» на взлёт. Лоцман решительно надавил кнопку запуска. Судно слегка дрогнуло, плавно оторвалось от земли и, набирая высоту, рвануло в небо.

...Космолёт стремительно удалялся прочь от Дивы, беря курс на родное Светило. За прошедшие сутки они немного свыклись с отсутствием прежнего Кормчего. Хорошо, что к новому привыкать не надо было – знали его, как облупленного. Аспид, не возжелавший более обитать внизу, перебрался в каюту Битона, и, сделав набег в душевую, долго благодумствовал под хлещущими струйками воды. Благо, что вода, проходя очистку, вновь возвращалась в тот же резервуар. Иначе змей мог оставить остальных без капли воды до ближайшей посадки, где её можно было восполнить.

Бастак и Нарад сидели в креслах, бездумно глядя на усыпанное звёздами чёрное небо. Нежно-сиреневая Дива уже уменьшилась до размеров детского мячика.

– Слушай, Бастак, – не выдержал молчания отрок. – А ты не боишься к порубежникам сам обращаться? Ты же тать.

Этот вопрос занимал его с самого начала. Решение скита его, конечно, устраивало как нельзя более. Но та лёгкость, с какой его озвучил помощник, настораживала.

– Боишься, что выкину в космосе? – оскалил он в усмешке крепкие зубы.

– Кто тебя знает, – ворчливо отозвался Нарад.

Но не верилось ему почему-то в такое коварство. Огрызнулся так, скорее, для порядка.

– Запомни, последний раз говорю. У нас, у скитов, нет ничего дороже чести. Если моей стране грозит беда, а я останусь в стороне, я потеряю честь. Понял?

Нарад почесал в затылке.

– Вот интересно, а как это всё увязывается с вашими неправедными барышами?

Бастак хмыкнул.

– Да никак не увязывается! Барыш, он и есть барыш. Сходи лучше в столовую, принеси сбитня. Чего смотришь? Теперь, по Правде, я Кормчий. Так что, вперёд, отрок.

Нехотя поднявшись, Нарад поплёлся за сбитнем. Войдя в столовую, он замер в изумлении. Гипероха с рук кормила кусками мяса аспида, который лежал перед ней, вытянув шею и, не переставая громко чавкать, очень музыкально урчал. Прямо, как кот, которому чешут за ушком. С поправкой, разве что, на тональность. Урчание змея сильно напоминало перебор нежных струн арфы. То обстоятельство, что он при этом занимал почти всё помещение, оба игнорировали.

– О, как! – не удержался он от восклицания, пробираясь вдоль стеночки к полке, где в зажимах покоился ряд кружек.

Аспид, мельком глянув на спасителя, снова впери в стряпуху влюблённый немигающий взор.

– Жалко его, тварь бессловесную, – смутилась женщина. – Опять же, выручил он нас, как ни крути.

– Да корми ты, на здоровье, разве я против? – засмеялся отрок. – Смотри, чтоб не лопнул. Нам налея сбитня, будь ласкова.

Аспид прореагировал на шутку неприятным шипением.

– Смотри ты, шуток не понимает.

– Серьёзный! – засмеялась Гипероха и вдруг, всхлипнув, замерла у плиты, утирая наворачнувшиеся на глаза слёзы висящим на шее полотенцем.

– Ты чего? – встревожился Нарад.

– Битона жалко, – она жалостливо шмыгнула носом. – Любил он меня душевно, а я раздумывала. Ладно, чему быть, того не миновать. Да, и Бастак его ничем не хуже.

Она налила половником в две большие чашки исходящий паром напиток и поставила на стол.

– Ладно, иди, раскисла я совсем, нечего на меня смотреть!

Дивясь на перепады женского настроения, лоцман вышел из столовой и, пройдя по коридору, стал осторожно подниматься по лестнице. В лоцманскую он вошёл, всё ещё улыбаясь, под впечатлением того, как мурлыкающий змей лопал мясо.

– Бастак, я сейчас в столовой такое...

– погоди, – оборвал его Кормчий. – Смотри, что за странные звёздочки?

Нарад, поставив чашки на пульт, стал вглядываться в ту часть неба, на которую указывал Бастак. Две красноватых тусклых точки, вроде бы, действительно, медленно, но двигались. Несколько минут прошли в напряжённом ожидании. Отрок, взяв за ориентир одну из светящихся точек, защёлкал клавиатурой, вводя запрос, и железо, дзынькнув, выдало результат – точка находится в постоянном движении!

– Это то, что я думаю? – повернулся к нему Бастак.

– Похоже, что да, – поскрёб затылок отрок.

– Похоже! – разозлился Кормчий. – Что ты за лоцман, навь тебя побери?

– Ты чего на меня орёшь? – вспыхнул Нарад. – Я тебе что, нанимался? Что, не спрося, купили, то и получили.

Скит поднялся с кресла и молча вышел в коридор. Нарад, сплюнув ему вслед, плюхнулся в кресло. Похоже, это погоня. Возможно, конечно, что это два случайных судна оказались в этом секторе по чистому совпадению. Но надежды на это, вот беда, не было никакой.

Вычислители в обиход вошли настолько давно, что никто толком и не помнил, в каком веке, разве что, специалисты. Они были всегда. И везде. С помощью их можно было не только что-то рассчитывать. Они были и средством связи, и будильником, и свахой, и собеседником.

Все летательные аппараты были оснащены ими. Это единственное устройство, которое было установлено на виманах и гарунах сверх того, что уже было изначально.

Их мелодичный голос служил космолётчикам собеседником, сторожевой собакой и мамой родной, наставляющих тех, кто по глупости или неопытности, делал что-то не так. Практически каждый бортовой вычислитель имел своё женское имя. Традицию эту вычислитель принял как должное и откликался, такое впечатление, с удовольствием. Здешний носил имя Ириния, но давно уже откликался на просто Рину.

Вычислителям нельзя было поручить проложить «дорожку», но такие простые операции, как вести виману по уже намеченному курсу, приземление или стыковка, они выполняла безукоризненно. И, как следствие, редкий лоцман или пилот брался выполнить это вручную. Конечно, в Даршанах они проходили и ручное управление судном – мало ли какие неожиданности могут поджидать в Космосе? Но, вот именно, что «проходили».

– Рина!

– Слушаю! – немедленно откликнулся «голос виманы».

– Два движущихся объекта в одиннадцатичасовом секторе.

– Вижу, – мурлыкнула Рина. – Что тебя интересует?

– Кто, куда, зачем?

– Принадлежность неизвестна, следуют нашей дорогой, имеет место медленное сближение, намерения не известны, опасность возможна.

– Молодец, Риночка! Исполать тебе! Объекты держать на контроле!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.